

КОСТРОМСКОЙ УСПЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

От составителя. Публикуемая работа протоиерея Иоанна Сырцова имеет сложную структуру, состоит из разделов и подразделов, соотношение которых не всегда очевидно. Поэтому для удобства чтения мы предваряем публикацию составленным нами оглавлением очерка.

[Предисловие]

Первоначальная история Успенского собора до начала XVII столетия.

1. Древний соборный храм Феодора Стратилата, замененный Успенским собором.
2. Основание и построение Успенского собора с приделом Феодора Стратилата.
Придел в честь святого великомученика Феодора Стратилата.
3. Первоначальный план и фасад Успенского собора.
4. Внешнее и внутреннее благоустройство собора вначале.
5. Место собора — кремль.
6. Права и преимущества собора до XVII столетия.

Успенский собор в XVII и XVIII веках до пожара 1773 года включительно.

1. Особое благоволение к собору царя Михаила Феодоровича.
Заботы царя об украшении и прославлении Феодоровской иконы.
 - А. Царские приклады.
 - Б. Обновление святой Феодоровской иконы в 1636 году.
 - В. Второе обновление святой иконы.
 - Г. Третье обновление святой иконы.
 - Д. Новый праздник в честь Феодоровской иконы в Костроме 14 марта.
 - Е. Установление праздника в честь Феодоровской иконы в царском дворце.
 - Ж. Поездка соборного причта в Москву к царю со святой водой.
3. Призвание царя Михаила Феодоровича к чествованию святой иконы и к охране ее в Костроме.
2. Некоторые перемены в строе соборной жизни до 1773 года.
 - а) Новый придел Феодора Стратилата.

- б) Пожары 1654 и 1679 годов.
 - в) Прибавления во внутреннем благоустройстве.
 - г) Новый 1000-[пудовый] колокол.
 - д) Обеспечение собора.
3. Штат соборного духовенства.
- а) Число служащих.
 - б) Права и преимущества.
 - в) Народное возмущение в 1652 году против соборного протопопа Даниила и прочего духовенства.
4. Учреждение Костромской епархии.
- а) Время учреждения и первый епископ.
 - б) Открытие епархии.
 - в) Пределы епархии.
 - г) Резиденция епископа.
5. Разрушающийся кремль.
- а) Обновление кремля.
 - б) Постепенное разрушение и уничтожение кремля.
6. Пожар 18 мая 1773 года.
7. Что осталось от пожара.

КОСТРОМСКОЙ Успенский собор, построенный в конце XIII века* и пользующийся до сих пор от граждан и посторонних людей постоянным и особенным вниманием, составляет в настоящее время единственный в городе Костроме памятник глубокой исторической старины. Самая Кострома старше собора на каких-нибудь 150–200 лет. Во все время своего продолжительного существования собор был и остается постоянным местом пребывания главной костромской святыни — Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери. Для этой иконы собор и построен костромским удельным князем Василием Ярославичем Квашней. Постоянное присутствие чудотворной иконы собор делает тем более привлекательным для православных граждан и окрестных жителей.

Но собор имеет и другие привлекательные стороны. Достаточно сказать, что это — первый в Костроме каменный храм, построенный тогда, когда каменными храмами могли хвалиться только столичные и богатые города: Новгород, Киев, Владимир и другие немногие. Местоположение и архитектура собора, расположенного на левом высоком и крутом берегу широкой Волги, обнесенного белокаменной обширной и красивой оградой и увенчанного многочисленными золотыми главами, таковы, что, приближаясь к Костроме по Волге сверху или снизу, не можешь налюбоваться ими. В солнечный день золотые больших размеров главы так ярко горят, что на них почти совсем нельзя смотреть.

Внешней красоте и величию, конечно, соответствует и внутреннее благоустройство.

* Здесь и далее автор придерживается традиционной для его эпохи версии о времени постройки собора.

Прошло со времени основания Успенского собора с лишком 600 лет. За это время собор испытал много превратностей: был и в славе, но испытал немало и несчастий, был даже на краю гибели. Несколько столетий, например, он служил центром и красой Костромского кремля, в коем уютился весь Старый город со всеми присутственными местами, где был мужской монастырь со своими храмами, где были десятки осадных боярских дворов, даже двор Марфы Ивановны – матери царя Михаила Феодоровича, и так далее. Ничего этого теперь, конечно, давно уже нет: время и скорбные приключения все стерли с лица земли, сохранив только собор. Самый собор три раза подвергался разрушительным пожарам: в 1654, 1679 и 1773 годах. Особенно пожар 1773 года был настолько разрушителен, что монастырь и все храмы и здания, окружавшие в кремле собор, были совсем уничтожены; самый собор лишился всей внутренней своей обстановки, богатых украшений и ценной утвари на сумму около 30 тысяч рублей на тогдашние деньги, но в общих очертаниях остался тем же, каким был построен в XIII столетии. Теперь эти прискорбные исторические приключения уже забылись: собор, благодаря щедротам императрицы Екатерины II и граждан, давно уже разукрасился на новый лад и теперь снова служит центром и красой города Костромы, раскинувшегося по берегу Волги на 4 версты. Присутствуя в Успенском соборе за богослужением, невольно чувствуешь на себе как бы веяние времен отдаленных, следы жизни времен удельных, жизни, совсем не похожей на нашу теперешнюю жизнь. Таков Успенский собор в общем историческом очертании.

Но мы желали бы ознакомить почтенную публику и с частностями исторической жизни собора – тем более что история его со многих сторон и интересна и назидательна.

Настоящий исторический очерк собора составлен по историческим произведениям и памятникам: письменным, печатным и вещественным, сохранившимся отчасти в самом соборе.

Все памятники были критически сверены между собой, с документами и вещественными памятниками, так что в настоящий очерк не внесено ничего лишнего, придуманного автором от себя. (...)

Вот [наи]более ценные памятники, давшие *материал* для составления настоящего очерка:

1. Писцовые книги Костромы 1628–1630 годов печатные и письменные.
2. Царские, патриаршие и другие грамоты печатные и письменные.
3. Описи соборного имущества 1702, 1782, 1807 годов письменные.
4. Дела по возобновлению собора после пожара 1773 года 18 мая письменные.

5. «Описание костромского Успенского собора» протоиерея Иакова Арсеньева, 1837 год.
6. «Историческое описание костромского [Успенского кафедрального] собора» протоиерея Павла Островского, 1855 год.
7. «Взгляд на историю города Костромы» князя Козловского, 1840 год.
8. «Очерк истории города Костромы» И. Миловидова, 1886 год.
9. «Костромской кремль» Ивана Баженова, издания архивной комиссии* и многие другие.

Успенский кафедральный собор. Открытка начала XX века. В подписи на открытке собор назван Феодоровским, что указывает на старинную традицию его именованя (см. с. 114).

107

Первоначальная история Успенского собора до начала XVII столетия

Первый период истории собора XIII–XVII столетий характеризуется недостаточной картинностью, даже темнотой за недостатком исторических данных. Но и немногие данные достаточно свидетельствуют, что собор за эти минувшие три столетия постепенно рос и благоустроился, восходил от славы в славу и был красой города. В начале XVII века писцовые книги 1628 года в первый раз открывают нам чудную картину Успенского собора, стоящего в центре укрепленного кремля и окруженного уже монастырями, соборными и простыми храмами, осадными дворами и тому подобным. За стенами кремля уже виднелось больше 30 приходских храмов, бесчисленное множество посадских строений. Но весь город Старый и Новый был деревянный, один только Успенский собор был камен-

* Видимо, речь идет о Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК).

* Здесь автор упускает из виду второй каменный собор кремля — Троицкий.

ный*. Возвышаясь на крутом берегу, в центре населения, он господствовал над всем городом. Однако проникнем, насколько возможно, во мрак первого периода его истории и взглянем, что за это время с ним было.

1. Древний соборный храм Феодора Стратилата, замененный Успенским собором

Историческое начало города Костромы местные историки относят к половине XII столетия¹. Основание же собора положено во второй половине XIII столетия, не позже 1277 года. Следовательно, от исторического начала Костромы до основания собора прошло не меньше 150 лет. Кострома не могла, конечно, оставаться и не оставалась за это время совсем без храмов, будучи населена, как можно с уверенностью предполагать, православными людьми; и действительно, когда явилась в Костроме чудотворная Феодоровская икона Божией Матери в половине XIII столетия, то она была поставлена уже в готовый соборный храм имени святого великомученика Феодора Стратилата (память 8 февраля), где и стояла до устройства Успенского собора.

Древний храм Феодора Стратилата, от которого до наших дней не сохранилось почти никаких следов, был деревянный и стоял совсем в другом месте, чем Успенский собор, именно на Мшанской улице, где теперь стоит каменный Богоотцовский храм**.

Есть основание к предположению о том, что древний храм в честь Феодора Стратилата был построен владимирским великим князем Ярославом Всеволодовичем, отцом костромского князя Василия Ярославича — основателя и строителя Успенского собора. Князь Ярослав Всеволодович считается в истории восстановителем и обновителем Суздальской земли после страшного разгрома полчищами диких монголов армии Батыя. Он построил и возобновил много городов в своем разоренном княжестве. По мнению некоторых историков, ему же принадлежит восстановление и Костромы, выжженной братом его ростовским князем Константином по неудовольствию к старшему брату Юрию, сидевшему до Ярослава на владимирском великокняжеском престоле².

Кострома принадлежала к уделам Владимирского княжества. Особым побуждением к восстановлению Костромы для князя Ярослава было желание дать приличный город в удел родившемуся у него в 1241 году девятому сыну Василию. Устроив город, князь как усердный христианин позаботился и о построении в нем при-

** Этот храм, именованный Богоотцовским по своему приделу (во имя святых праведных Богоотец Иоакима и Анны), в XX веке был полностью разрушен.

¹ «Взгляд на историю Костромы» Козловского, «Очерк истории Костромы» И. Миловида.

² Миловидов, стр. 31.

личного храма, посвятив оный, по тогдашнему княжескому обычаю, тому святому, имя которого сам получил в таинстве крещения, то есть Феодору Стратилату. Имя Ярослава он носил как придаточное. В Воскресенской летописи под 1190 годом об этом сказано так: «1190 г. родился у великого князя Всеволода сын Федор, а прозван бысть Ярославом, в Переяславле, февраля 8»³.

Название храма Феодора Стратилата *соборным*, настоятелем которого в XIII столетии был не простой священник, а протопоп⁴, дает основание к заключению, что были в XIII столетии в Костроме и другие, рядовые храмы. Но об них история не сохранила никаких сведений.

Соборный храм Феодора Стратилата во все время княжения в Костроме Василия Ярославича, пока не был устроен Успенский собор, был местом пребывания новоявленной чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. При этом храме князь Василий Ярославич, скончавшийся в 1277 году^{*}, и погребен⁵. Но дальнейшая судьба его печальна: как деревянный, он после явления иконы в каких-нибудь 10–15 лет два раза горел. После вторичного пожара он был уже построен «на старом» погоревшем месте «в виде малой церкви», «да поставится в нем чудотворная икона на время некое»⁶. Очевидно, уже было предreshено князем Василием устроить каменный Успенский храм, а может быть, он уже и строился. Во всяком случае древний Феодоровский храм с устройством Успенского собора уступил честь служить местом пребывания святой иконы новому собору, потерял значение соборного храма и, наконец, совсем перестал существовать. В костромских писцовых книгах 1630 года об этом храме в последний раз упоминается так: «На Суле (река), у Мшанской улицы церковь стоит без пения Феодора Стратилата, древяна, клецки»^{**}.

После^{***} около этой церкви устроился было монастырь имени преподобного Симеона Столпника. Но в XVIII столетии монастырь закрыт по бедности, а церковь сгорела. Вместо них устроена в 1769 году церковь каменная во имя Богоотцов Иоакима и Анны с тремя приделами: Богоотцовским, Феодоровским и Симеоновским. Церковь бесприходная, ружная; очевидно, построена из уважения к месту первоначального пребывания святой Феодоровской иконы.

Такова судьба древнего Феодоровского храма, устроенного, по преданию, Ярославом Всеволодовичем.

* В различных исследованиях временем кончины Василия Ярославича указывают как 1276, так и 1277 год.

** Текст по современному научному изданию (Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. Кострома, 2004, с. 282): «На Суле [реке] у Мшанские улицы церковь стоит без пения Федора Стратилата, древяна, клецки».

*** То есть позднее.

³ Миловидов, стр. 32, 35.

⁴ См. «Сказание о Феодоровской иконе» 1908 года Сырцова.

⁵ Некоторые предполагают, что князь Василий Ярославич погребен под Успенским собором, который в первое время иногда назывался Феодоровским от существующего в нем Феодоровского придела. Но это предположение менее правдоподобно.

⁶ «Сказание об иконе...» Сырцова.

2. Основание и построение Успенского собора с приделом Феодора Стратилата

Непоколебимое и общее народное предание основание и построение Успенского собора приписывает костромскому князю Василию Ярославичу Квашне (1241–1277), устроившему храм в благодарность Пресвятой Богородице за милость и защиту, оказанную ему при нашествии на Кострому бродячих татар из рассеявшейся по России армии Батыя. В древнем повествовании о явлении чудотворной иконы, в статье о чудесном спасении иконы при вторичном пожаре в соборном храме Феодора Стратилата, говорится: «И паки предреченный великий князь (Василий Ярославич) совет сотвори с бояры своими, и со князи и со всем народом, яко да воздвигнется церковь каменная соборная внутри града (в кремле) во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, зане в той день прииде сия чудотворная икона, а святаго великомученика Феодора Стратилата (малый храм устроить) в приделе (предполагаемого Успенского храма). Совершена же бысть сия каменная церковь и освятиша ю во имя честнаго и славнаго Ея Успения; сию же чудотворную икону Пресвятыя Богородицы с подобающею честью и с великим славословием пренесоша от деревянныя соборныя церкви в новосозданную каменную церковь и поставиша ю с великим благодарением»⁷. Но когда это совершилось? К такому решению князь Василий пришел после того, как деревянный храм Феодора Стратилата сгорел вторично. Сгорел же он вскоре после отражения от Костромы нашествия татар.

Но, к несчастью, история не сохранила сведений не только о времени, но и о самом нашествии на Кострому татар. Приходится довольствоваться некоторыми догадками.

Князь Василий Ярославич родился и стал костромским удельным князем в 1241 году. Икона явилась ему уже взрослому, когда он был уже в состоянии править княжеством сам, когда мог охотиться за зверями — словом, когда ему

Явление чудотворной иконы князю Василию Ярославичу на охоте. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери письма XIX века.

⁷ Моя рукопись.

было по меньшей мере 15–20 лет. Следовательно, икона явилась около 1255–1260 года. Нашествие на Кострому татар случилось не сразу после появления иконы в Костроме; был некоторый промежуток, в который в первый раз сгорел и снова выстроен деревянный храм Феодора Стратилата, в котором стояла икона. Положим, этот промежуток был непродолжителен, в 3–5 лет. Следовательно, нашествие татар и отражение их совершилось около 1265 года. Но не сразу и после отражения татар князь пришел к решению устроить каменный храм. К окончательному решению этого вопроса послужил вторичный пожар, спаливший новый деревянный собор Феодора Стратилата. Только теперь князь убедился, что деревянный храм не может быть безопасным местом пребывания святой иконы, и решил устроить каменный. Допустим, что новый пожар случился спустя год-два после отражения татар; следовательно, около 1270 года. До кончины Василия Ярославича оставалось еще семь лет. В эти семь лет князь Василий мог не только положить основание задуманному храму, но и устроить его. Выходит, храм устроен между 1270–1277 годами.

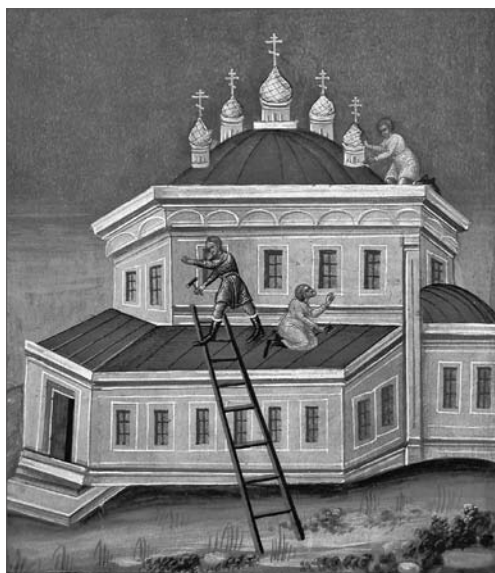
К устройению нового каменного, дорогого храма условия благоприятствовали князю Василию как нельзя лучше. Он сам был здоров и энергичен, богат и независим. В 1271 году он сделался великим князем владимирским, оставаясь жить в Костроме. Великокняжеское положение в этом случае могло принести ему незаменимые услуги. Ставши великим князем, он мог прибегнуть в своем добром деле к помощи и удельных князей, подчиненных ему, и различных благотворителей, мог легче приискать и вызвать в Кострому искусных архитекторов и мастеров по каменным постройкам. Мы готовы заключить, что князь Василий Ярославич действительно успел еще до своей кончины закончить постройку Успенского собора и лично перенести в новопостроенный собор из деревянного Феодоровского собора чудотворную Феодоровскую икону, как гласит предание.

К этому заключению нас приводят особенно следующие соображения. По смерти Василия Ярославича почти до конца XIII столетия и после были самые неблагоприятные условия для построения нового дорогого храма. Кострома с 1277 до 1293 года не имела своего удельного князя, составляя отчину владимирского великого князя, и управлялась княжескими наместниками. Великокняжеский престол после Василия Ярославича перешел к племяннику его, сыну Александра Невского — Димитрию Александровичу. Но вскоре явился претендент на великокняжеский престол в лице младшего брата, городецкого князя Андрея Александровича. Началась братская междоусобица, поездки в Орду и подкупы ханов и ханских мурз; снова нахлынули в Суздальскую землю орды татар, началась резня, братья то мирились, то снова ссорились и интриго-

вали пред ханами. Престол, по мере успехов в интригах пред ханами, неоднократно переходил от одного князя к другому. Кострома была непосредственной свидетельницей кровавой расправы победителей над побежденными и сама трепетала от княжеских неожиданностей. На стенах Костромы был тайно схвачен и убит боярин Семен Тонглиевич, посоветовавший Андрею Александровичу отнять у брата Дмитрия великокняжеский престол... До постройки ли было Костроме нового храма в такое смутное время? В 1293 году, наконец, князь Дмитрий Александрович отдал Кострому в удел своему сыну Ивану Дмитриевичу. Но и сын был не более счастлив. Когда отец его Дмитрий Александрович, лишенный окончательно великокняжеского престола по интригам брата Андрея, наконец помер, Андрей Александрович, на правах великого князя, Кострому отдал своему сыну Борису, а Ивану Дмитриевичу предоставил Переяславль, куда он и перебрался. Это было в 1299 или 1300 году. Очевидно, и при князе Иване Дмитриевиче обстоятельства не благоприятствовали к построению основанного князем Василием Ярославичем Успенского собора. Таким образом, если не согласиться с тем, что собор был заложен и устроен самим князем Василием Ярославичем, то придется отнести построение его к началу XIV века, а то и дальше... Во всяком случае, Успенского собора в Костроме до второй половины XIII столетия не было. Но в начале XVII века он уже описывается в писцовых книгах как давно существующий, служащий постоянным местопребыванием Феодоровской иконы.

В писцовых книгах 1628 года Успенский собор записан в ряду многочисленных храмов под номером 1 так: «Церковь соборная каменная, во имя Пресвятыя Богородицы чудотворной Ея иконы Феодоровския.

А в церкви образов местных: образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския в киоте...»*. За все время с конца XIII до начала XVII века не встречается в истории ни малейших указаний на то, что Успенский собор основан и устроен не князем Василием Ярославичем и не в XIII столетии, а после кем-либо другим. Правда, нет и таких исторических данных, которые давали

Строительство Успенского собора. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери письма XIX века.

* Текст по современному научному изданию см. на с. 47.

бы нам твердое и положительное основание к заключению, что собор устроен князем Василием Квашней в XIII веке. Но в пользу этого предположения говорит по крайней мере непрерывное и непоколебимое вековое предание.

*Придел в честь святого великомученика
Феодора Стратилата*

Не оставил князь Василий Ярославич без особого чествования и святого великомученика Феодора Стратилата, принесшего в Кострому святую чудотворную икону. Одновременно с устройством Успенского собора устроен был в алтаре этого собора с левой стороны особый придел во имя святого великомученика Феодора. Придел в этом месте существовал до 1666 года. В этом году он заменен новым, расположенным в виде особой каменной церкви, примкнутой к Успенскому собору с левой стороны, алтарем на север, как и собор. Этот придел, несколько расширенный в 1834 году, существует до сих пор. В нем главную святыню составляет местный большой образ святого великомученика Феодора Стратилата, украшенный сребропозлащенной ризой.

3. Первоначальный план и фасад Успенского собора

Костромской Успенский собор много напоминает и по внешнему и по внутреннему устройству о древних русских соборах: Киевском, Софийском, Новгородском и других, построенных в строго византийском стиле. Все отличие его от этих древних храмов заключается в меньших размерах и в обращении алтарем не на восток, а на север.

Писанного плана от времен постройки собора в XIII столетии до нас не сохранилось. Но нынешний натуральный план, за исключением некоторых пристроек и внутренних обновлений, вызванных 600-летним временем и частыми пожарами, можно положительно признавать за первоначальный план. Это потому, что ни письменные, ни вещественные памятники, ни предание не говорят ни слова о существенных изменениях в первоначальном плане собора, хотя случаев к тому представлялось немало. Памятники исключительно говорят только о небольших пристройках, вызванных нуждой, и *обновлениях собора* после пожаров, не касаясь основ его.

При изучении памятников старины, относящихся к истории собора, первоначальный соборный план и фасад вырисовывается пред нами постепенно.

До первой половины XVII века, по царским грамотам, мы знаем Успенский собор только *по имени*, и то под именем «соборной

церкви Феодора Стратилата, что на Костроме»⁸. Но да не подумает читатель, что здесь речь идет о той старой деревянной соборной церкви, которая была построена еще Ярославом Всеволодовичем и в которой первое время стояла новоявленная Феодоровская икона. Нет, этот старый храм, как мы уже говорили, в начале XVII века стоял совсем пустым, без клира, без прихода и без богослужения.

Продолжительное название Успенского собора не по главному Успенскому престолу, а по приделу в честь Феодора Стратилата можно объяснить отчасти привычкой к старому названию, с другой стороны — почтительным благоговением к покровителю города Феодору Стратилату, имя которого усвоено и новоявленной Феодоровской иконе, бывшей «Одигитрии». В грамотах царей Василия Шуйского, Михаила Феодоровича, святейших патриархов и митрополитов этот же самый храм нередко называется «церковью Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и иконы Феодоровской», или просто «Богородицким», или даже «Феодоровским». Лишь в конце XVII века и особенно в начале XVIII столетия он стал называться уже исключительно Успенским.

В писцовых книгах 1628–1630 годов мы в первый раз встречаем указание на то, что Успенский собор *каменный*. Но это не потому, что он стал каменным лишь в начале XVII века. Нет, раньше не было повода говорить об этом, по крайней мере в тех документах, которые сохранились до нас⁹. Каменный он был со своего основания в XIII веке и остается до наших дней.

В 1654 году Успенский собор подвергся большому пожару, начавшемуся в стоявшей на расстоянии от него в 4 сажнях Троицкой деревянной церкви. Из истории обновления его после пожара мы узнаем, что он до пожара еще имел *кровли*, очевидно, деревянные, и *главы*, после же пожара главы частью были опаянные железом; подле собора видим *колокольню* с колоколами и колокольными *часами*.

В 1666 году к собору с западной стороны *пристроен придел* Феодора Стратилата в виде отдельного храмового здания с особым входом, со своей главой, обращенный алтарем на север, как и собор, заменив современный собору придел, бывший внутри Успенского храма. Новый придел только расширил Успенский храм, но не нарушил его первоначального основания.

В 1679 году Успенский собор подвергся новому страшному пожару, истребившему множество окружающих собор деревянных построек и, между прочим, кельи 40 монахинь-нищих. Однако

* Ссылка на публикацию в сочинении протоиерея Павла Островского уточнена. Датировка грамоты царя Феодора Иоанновича (1586 год) здесь и далее сохранена, хотя — поскольку новый год тогда начинался 1 сентября — правильно было бы: 15 сентября 1585 года.

⁸ Несудимая грамота, данная собору царем Феодором Ивановичем 15 сентября 1586 года взамен старой, обветшавшей, данной царем Василием Ивановичем (1505–1533) и подтвержденной царем Иоанном Грозным. В описании собора отца Островского стр. 195–200*.

⁹ Все перепечатаны в описании собора Островского со стр. 187 под литерой Ж.

существенных повреждений и этот пожар собору не причинил. По крайней мере, никакие исторические памятники на это не указывают.

До нас сохранилась опись соборного имущества, составленная в 1702 году и проверявшаяся в 1737 и 1745 годах. Эта опись представляет Успенский собор почти уже в том виде, в каком он представляется нам в настоящее время, недостает только точных размеров: длины, ширины и вышины; но и это по некоторым данным можно приблизительно определить. По описи 1702 года собор назван уже прямо «церковию Успения Пресвятыя Богородицы». Внешний вид его таков: собор каменный на подклетах (подвальных арках), *о пяти главах*. На средней главе крест железный, золоченый сусальным золотом по меди, цепи железные луженые. Самая глава опаяна белым немецким железом. На остальных четырех главах кресты железные, опаяны белым немецким железом с цепями. Самые главы обиты муравленой зеленой черепицей. В папертях своды каменные же. Церковь и паперть крыты тесом. Стены церкви снаружи в некоторых небольших углублениях под крышей расписаны стенным письмом. В соборную церковь и к приделу, устроенному и примкнутому к собору с западной стороны в 1666 году, [устроены] подъемные лестницы каменные со сводами. Над входом (главным?) шатер деревянный, на шатре глава небольшая, опаяна белым немецким железом; крест железный вызолоченный... Из паперти в собор два входа, с восточной и южной стороны, затворяющиеся железным глухим и железно-решетчатым затвором. Церковь освещается двенадцатью окнами со слюдяными оконницами. Своды собора, увенчанные пятью главами, изнутри поддерживаются, как и теперь, четырьмя четырехгранными колоннами, что указывает и на широту собора. Вышина собора внутри определяется приблизительно тем, что стены и колонны для стеной живописи от пола до сводов были разделены, как и теперь, на пять частей (поясов). Словом, собор 1702 года представляет в общем положительное сходство с нынешним собором.

Но, может быть, последний пожар, бывший 18 мая 1773 года, послужил к существенным изменениям в плане собора? Нет, и этот страшный пожар губительно отозвался только на внутренних поделках и движимом имуществе собора. Строительная комиссия по обновлению собора после пожара 1773 года в 1775 году доносила костромскому преосвященному о последствиях пожара, между прочим, следующее: во время пожара сгорели в соборе пол деревян-

Вид Успенского собора. Открытка десятих годов XX века по фотографии А. Павловича.

ный, иконостас, престол, жертвенник; при колоннах, поддерживающих своды собора — место архиерейское, место проповедническое, киоты для образов, шкафы в стенах, оконницы стеклянные в деревянных рамах, словом — все деревянные поделки внутри и снаружи, много утвари и облачений; внутри собора разорвались пять железных связей, попорчена стенная живопись. Но при всем этом самый собор в своих основных устоях остался неприкосновенным. Правда, по обновлении в конце XVIII века они являются с некоторыми новыми пристройками, каковы: входная ротонда, три палатки для ризницы и сторожей, с новыми внутренними поделками и украшениями и так далее. Но это нисколько не мешает устоям оставаться в пределах первоначального плана.

В виду всего вышеизложенного мы считаем совершенно неосновательным предположение автора исторического описания собора протоиерея Островского о том, что будто бы когда-то собор расширен в южную сторону на $\frac{1}{3}$ превращением старой стены в теперешние задние колонны и построением новой южной стены. Ни в письменных памятниках, ни в стенной кладке нет положительно никаких на это указаний, достойных внимания*.

Теперешний собор представляет в своей основе, без алтарных выступов, равномерный квадрат, каковым он был и в XIII веке. По предположению же Островского он когда-то был будто бы в длину меньше на $\frac{1}{3}$, чем в ширину. Допустимо ли это с точки зрения архитектурных правил, архитектурной этики?

Но если теперешний натуральный план собора представляет, в чем мы не сомневаемся, первоначальный основной план XIII столетия, то мы представляем его здесь наглядно: Успенский собор, обращенный алтарями на север, в длину по стенам без пристроек, но с алтарным полукруглым выступом имеет 11 сажен $1\frac{3}{4}$ аршина, в ширину 8 сажен $1\frac{1}{2}$ аршина, высота стен до крыши 11 сажен. Вся высота с крышей, главами и средним крестом 17 сажен 2 аршина. Все стены, кроме алтарной, гладкие с небольшими лишь углублениями, украшенными живописью, и карнизами под крышей; алтарные же стены имеют на север три полукружия, указывающие на три алтарных отделения, по середине опоясаны тройным кирпичным поясом. Собор освещен 8 окнами, приподнятыми, по старинному обычаю, от помоста на 2 сажени. Впрочем, окна после пожара 1773 года расширены и оконницы слюдяные заменены стекльчатými. Стоит собор на многочисленных арках, составляющих нижний подвальный этаж. Покрыт железной, выкрашенной медянкой крышей и увенчан пятью позолоченными главами. Окружен с восточной и южной сторон папертями (галереями), с западной — придельным храмом Феодора Стратилата. Отделите от теперешнего собора устроенный в 1666 году с левой стороны придел Феодора Стратилата и три палатки — сторожку

* Исследования XX века подтвердили предположения отца Павла Островского.

и ризницу, устроенные в XVIII веке — вот вам и собор XIII столетия с его планом и фасадом.

Две паперти-галереи с восточной и южной сторон упоминаются в описи 1702 года, следовательно, входят в первоначальный план.

4. Внешнее и внутреннее благоустройство собора вначале

О внешнем и внутреннем благоустройстве и благолепии собора за первое время, как и о первоначальном плане и фасаде, мы можем судить только по памятникам позднейшего времени, не раньше XVII столетия. Ни письменных, ни вещественных памятников, прямо и непосредственно обрисовывающих внешнее и внутреннее благоустройство собора за первые три (XIV—XVI) века, положительно не сохранилось никаких. Возможно, что они истреблены опустошительными пожарами, бывшими в XVII и XVIII веках. Для нас и в настоящем случае большую помощь могут оказать писцовые книги 1628—1630 годов и опись соборного имущества 1702 года. Эти памятники дороги для нас потому, что они, вместе с предметами недавними, описывают все то, что сохранилось в соборе от времен прошедших, от самого основания собора; сохранилось же очень многое. Собор, например, по внешнему своему виду не только оставался от основания до XVII века неприкосновенным, но остается таковым и до наших дней. Из многочисленных икон, служивших украшением собора в начале XVII века, многие украшали собор еще в XIII и XIV столетиях. Во всяком случае, икона Феодоровской Божией Матери составляла главную святыню собора и в XIII веке.

К нашему прискорбию, составители писцовых книг начала XVII века не имели своей задачей описывать собор со стороны архитектурного благоустройства. Внимание их было сосредоточено исключительно на движимом церковном имуществе, каковы; святые иконы, сосуды, ризы и так далее. Но и у них мимоходом встречаются некоторые указания на благоустройство собора со стороны планомерной и архитектурной. Из писцовых книг начала XVII века мы знаем, например, что Успенский собор был «каменный», что своды его изнутри поддерживаются колоннами, что в соборе для местных икон были иконостасы, были клиросы правый и левый, был придел Феодора Стратилата и так далее. Но опись 1702 года нам уже прямо с точностью свидетельствует о том, что собор был пятиглавый, окруженный с двух сто-

Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери в начале XX века. Фото В. Н. Кларка.

рон папертями-галереями, имел из папертей два входа, поддерживался изнутри четырьмя четырехгранными колоннами, освещался двенадцатью слюдяными окнами, стены его были расписаны и так далее. От начала XVII до начала XVIII века история нам не говорит ни о каких существенных изменениях в устройстве собора со стороны плана и фасада. Следовательно, он был таковым и в начале XVII века при составлении писцовых книг. Таковым он был, конечно, и раньше, в XIII–XVI веках. По крайней мере, нет положительно никаких оснований, ни исторических данных к заключению не в пользу этого предположения.

Перенесемся же мысленно в Успенский соборный храм начала XVII века, мало чем отличающийся от нынешнего и, может быть, совсем ничем не отличавшийся от собора XIII–XVI веков. Взглянем на внутреннее его благолепие по руководству писцовых книг 1628–1630 годов.

Больше всего собор начала XVII века был богат и славен святыми местными и всякими иконами, расставленными в иконостасе, по стенам и столбам.

[1.]* В ряду местных икон чудотворная икона Феодоровской Божией Матери, конечно, занимает первое место, составляет главную святыню не только собора, но и города и окрестностей костромских.

В писцовых книгах она описывается так^{**}: «А в церкви образов местных: образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския, в киоте с притворы, а в притворех писаны праздники святых. А чудотворный образ обложен серебром, на полях шестнадцать праздников святых (литых) золоченых, да в верхнем поле две вставки...»¹⁰. Далее идет перечисление многочисленных украшений из драгоценных камней, бисера и жемчуга. Известно, что еще князь Василий Ярославич, одержав победу над полчищем татар и приписывая эту победу помощи Царицы Небесной, в благодарность «повеле чудотворную икону Пресвятыя Богородицы украсить золотом и серебром, и камни драгими и бисеры многоцветными и жемчуги осадити драгими»¹¹. Вошли в писцовую книгу и многочисленные приклады царя Михаила Феодоровича, которого мать старица Марфа Ивановна при избрании в Костроме на царство отдала под покровительство Божией Матери. В числе жертв Михаила Феодоровича особенно ценны: две рясны большие жемчужные в восемь прядей, да колотки золотые литые с многочисленными яхонтами и 19 жемчугов бурминских^{***}. Не говорим об отдельных драгоценных камнях, украшающих ризу иконы. Рясны и цаты, как памятники благоговения царя Михаила Феодоровича к Феодоровской иконе, доселе хранятся в соборной ризнице.

¹⁰ Писц[овые книги], л. 10.

¹¹ «Сказание о иконе...» 1908 года, стр. 13.

* Номер 1 в тексте пропущен.

** Текст по современному научному изданию см. на с. 47.

*** В тексте писцовых книг *девятнадцать жемчугов бурминских* относятся к цате, также пожертвованной царем Михаилом Феодоровичем.

На обороте Феодоровской иконы, как и ныне, было изображение Параскевы Пятницы, украшенное басменным золоченым венцом, ожерельем жемчужным и другими привесками.

2*. Другой образ Пресвятыя Богородицы напестольный, обложен серебром, позолочен басменным. На обороте: Феодор Стратилат, Стефан Пермский, Тихон чудотворец и мученик Мина.

Этот образ, по-видимому, не занимает места в иконостасе, но записан вслед за образом Феодоровским как особенно ценный по украшениям из драгоценных камней и жемчуга. Образ сохранился до наших дней и в праздники полагается на аналой.

3. Да образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския, шестилистовой, обложен серебром позолоченым басменным, у образа приклад государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России, надглавие низано жемчугом, а в нем вставка яхон[т] черчат в золотом гнезде, да ожерелье жемчужное, да серьги золотые, яхонт голубь в жемчуге да лапки золотыя, а у них шесть прядей низано жемчугом, а в пронизи шесть яхонтов голубых, да шесть перепелков голубых, да шесть подвесок басменных золочены, а образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския обложен серебром басменным, золочен, а в венце камень серовик, да две бирюзы, да выписка.

Икона эта в настоящее время висит в Успенском соборе в иконостасе над северными дверями. Весь приклад царя Михаила Феодоровича на ней сохранился, только риза сделана новая в 1768 году. Икона считается как дар царя Михаила Феодоровича, из его домашних икон; однако писцовые книги об этом не свидетельствуют.

4. Да образ Пресвятыя Богородицы в киоте пятилистовой, обложен серебром басменным, золочен.

5. Образ Феодора Стратилата обложен серебром золоченым, басменным, в венце бирюза, да две вставки. Последние две иконы, как и Феодоровская, по-видимому, занимают места в иконостасе с левой стороны царских врат, потому что после образа Феодора Стратилата говорится о царских вратах и об образах, стоящих «одесную»** их.

«Двери царския на позолоте в рези», говорится о царских вратах.

6. Одесную царских дверей возле чудотворного образа Пресвятыя Богородицы, образ Успения Пречистыя Богородицы обложен серебром позолоченым.

Этот тот самый образ, который и теперь стоит в Успенском соборе по правую сторону царских врат, рядом со Спасителем. Но в начале XVII века он не был так богато украшен камнями и жемчугом, как теперь.

7. Да по сторонам (дальше вправо) Спасов образ, прикладу: цата басменная серебряная позолочена и прочие небогатые украшения.

* Описание икон Успенского собора по современному научному изданию писцовых книг см. на с. 50–52.

** По правую сторону.

В настоящее время этот образ покрыт богатой сребропозлащенной ризой и занимает в иконостасе первое место с правой от царских врат стороны; за ним уже Успение.

8. Да образ Ивана Предтечи на празелени, да у Предтечи только бархат черн рыт.

В настоящее время стоит в конце иконостаса с правой стороны, покрыт сребропозлащенной ризой.

По прежнему обычаю Предтеча крылатый.

9. Образ Преображения Господа, без украшений, не сохранился.

10. Образ Пречистыя Богородицы Одигитрии на празелени, без украшений, не сохранился.

11. Образ Феодора Стратилата на празелени, без украшений.

12. Живоначальные Троицы, в деяниях на красках.

Стоит в Успенском соборе на заднем правом столпе в сребропозлащенной ризе.

13. Образ Пречистыя Богородицы с деяниями на золоте. На переднем левом столпе, со стороны придела Феодора Стратилата. Замечателен тем, что представляет чудеса от Феодоровской иконы, совершившиеся до 1628 года, вид пятиглавого Успенского собора и стенные осыпи кремля с деревянными башнями-бойницами.

14. Образ Похвала Пресвятыя Богородицы без особых украшений, не сохранился*.

15. Образ преподобных отец Кирилла Белозерского и Макария Железноводского**, а промеж ими Живоначальная Троица на красках на одной доске.

Стоит в Богоявленском соборе на стене.

и 16. Образ великомученицы Параскевы нареченныя Пятницы, без особых украшений. Не сохранился.

Дальше идут евангелие, сосуды, хоругви и тому подобное.

В заключение – придел Феодора Стратилата, еще не перестроенный, с его церковной обстановкой. В нем: образ Феодора Стратилата на краске... Другой образ Феодора же Стратилата на краске же, двери царские, да деисус в них, шесть икон; да над западными дверьми кружало, на нем написано Воплощение Пресвятыя Богородицы, да Трех святителей, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, да Московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы (Филипп еще не был прославлен); да над другими дверьми кружало, а на нем Спасов образ, да Пречистыя Богородицы, да Ивана Предтечи, да Михаила Малеина, да Антония Великого.

Вот все, что можно сказать по писцовым книгам о внутреннем благоустройстве и благолепии Успенского собора с приделом Феодора Стратилата за время до начала и в начале XVII века.

Мы никак не можем решиться утверждать, что описанный в писцовых книгах 1628–1630 годов Успенский собор не есть собор времен более ранних, собор XVI, XV, XIV и даже XIII столетия, не счи-

* Согласно научному изданию писцовых книг, в п. п. 13 и 14 речь идет об одной и той же иконе.

** Правильно – Железноводского.

тая, конечно, несущественных позднейших принадлежностей его вроде прикладов царя Михаила Феодоровича.

Собор XVII и даже XVIII веков, конечно, должен во многом уступить собору XX века, но в общих основных очертаниях он один и тот же был и остается и в XX и в XVII и даже в XIII веках, и с наружной и [с] внутренней сторон.

5. Место собора – кремль

Первый соборный храм Феодора Стратилата, замененный Успенским собором, как мы видели, стоял в XIII столетии не в центре города Костромы, не внутри города, как говорится в древнем сказании о Феодоровской иконе, а несколько дальше к северо-западу, за рекой Сулой, теперь уже не существующей, на Мшанской улице, где теперь Богоотцовская ружная церковь. Не потому ли этот храм не вошел в Старый город или иначе в Костромской кремль, что построен раньше кремля? Во всяком случае, Успенский собор был построен «внутри града» и оказался в начале XVII века в центре кремля, известного в истории больше под именем Старого города. Кремль был расположен на левом крутом берегу реки Волги несколько ниже, восточнее Богоотцовской церкви, занявшей место древнего собора Феодора Стратилата. Спрашивается: в готовый ли кремль поставлен собор или был окружен этой вооруженной крепостью после? Документальных данных для решения этого вопроса нет, но некоторые сопоставления условий и обстоятельств костромской жизни XII–XVII* веков склоняют местных историков в пользу постройки кремля раньше Успенского собора.

Предполагают, что город Кострома, перенесенный в XII столетии с правого на левый берег реки Волги, испытал пред этим опустошительные набеги со стороны враждебных княжеских и бродячих монгольских полчищ, ни в каком случае не мог оставаться без какой-нибудь крепости,

* Возможно, опечатка и должно быть XII–XIII веков.

121

Кострома, Богоотцовская церковь.
Фото начала XX века.

* Сейчас считается, что Кострома изначально располагалась на левом берегу Волги. Гипотеза о нахождении древнего города на правом берегу своего подтверждения не нашла.

если не хотел нового разорения от враждебных набегов*. Способ ограждения городов крепостями был в XII–XIII веках уже общеизвестен: обыкновенно новый город окружался земляными насыпями с оврагами пред ними, с перекидными мостами, крепкими затворами и так далее. На насыпях строились деревянные тыновые стены с башнями в разных местах. Башни снабжались пушками и другими огнестрельными орудиями. Следы таких крепостей сохранились доселе в некоторых уездных городах Костромской губернии: Галиче, Солигаличе, Юрьевце и других. Таковым по писцовым книгам начала XVII века был и Костромской кремль.

В начале XVII века Костромской кремль представляет собою уже крепость благоустроенную, вооруженную и очень населенную: крепость состояла из земляной дугообразной насыпи, похожей на нынешние железнодорожные, вышиной местами до 5 сажен, в окружности в 511 $\frac{1}{4}$ сажени. Концы насыпи упирались в реку Волгу. Насыпь с трех сторон была окружена глубокими рвами с перекидными мостами против выходов в Новый город¹². На насыпи в различных местах стояло 14 башен деревянных, рубленых клетками. Между башнями тын из толстых бревен вышиной в 2 $\frac{1}{2}$ сажени, ставлен в борозду. В разных местах на башнях и на особых полатях острога устроены были большие бои. Был даже «тайник», то есть тайный подземный выход из крепости к реке Волге.

Внутри кремля «в осыпи», кроме Успенского собора, в начале XVII века стояли: другой – Троицкий – собор с приделом преподобного Сергия, каменный, но уже начавший разваливаться; Крестовоздвиженский мужской монастырь; осадных дворов: двор великой государыни инокини Марфы Ивановны, двор Ипатьевского монастыря, двор стольника Алексея Никитича Годунова, двор Боявленского монастыря, двор воеводский, съезжая изба, две тюрьмы. (Выписка из писцовых книг 1628 года по сборнику Диева, стр. 305–314, «[Костромской] Кремль» г. Баженова).

Такая крепость не могла соорудиться в короткое время, на сооружение оной требовались десятки, может быть, сотни лет. Поэтому нельзя не согласиться с мнением костромских историков, что Костромской кремль существует со времени переселения города Костромы с правого на левый берег в XII столетии. Нельзя тем более, что в стенах Костромского кремля не раз спасались от своих врагов московские князья: Дмитрий Донской в 1382 году, Василий Дмитриевич с семьей в 1408 году, Василий Темный с семьей в 1433 году; в стенах своего кремля костромичи отсиделись от набегов: в 1449 году галичского князя Димитрия Шемяки и в 1608 году польского

¹² Новый город, иначе – новый кремль, за старым, устроен посадскими людьми в [7]127 (1619) году для ограждения своих жилищ.

пана Лисовского. В 1661 году деревянные стены кремля как уже старые, обветшавшие пришлось перестраивать заново; обветшать же они не могли в несколько десятков лет, требовались для сего сотни лет.

Таково место, выбранное козломским князем Василием Ярославичем для постройки задуманного им нового каменного Успенского собора. Лучше этого места и теперь бы не найти.

6. Права и преимущества собора до XVII столетия

В начале XVII столетия, как свидетельствуют писцовые книги Козломы, писанные в 1628–1630 годах, Успенский собор стоял уже во главе трех монастырей и около 30 городских церквей. В четыре столетия Козлома раскинулась по левому берегу реки Волги на четыре версты. Население ее уже не могло вмещаться в Старом городе, пришлось в 1619 году устроить Новый город, обнесенный, как и Старый, земляными валами и вооруженный. Но и Новый далеко не обнял всей Козломы. Вместе с ростом населения росло и число городских храмов, появились даже монастыри мужские и женские. Но собор не только не терял от этого своего первенства между городскими церквями, крайне бедными, исключительно деревянными; напротив, постепенно усиливал свое превосходство и значение над ними. В соборе совершались все высокаторжественные, общие для города праздники. Из собора начинались общие церковные ходы по городу и на реку Волгу. Собор никогда не был приходским храмом, но он считал своими прихожанами весь город, к нему тянулось постоянно все городское население благодаря присутствию в нем чудотворной иконы. В нем для граждан совершались каждодневные службы с молебном Божией Матери пред чудотворной иконой. Для сего в соборе был усиленный штат священнослужителей; в грамоте, например, царя Феодора Ивановича 1586 года упоминаются соборные челобитчики: протопоп Алексей, три попа – Максим, Фалалей и Полиевкт и два диакона – Тихон и Григорий.

И такое положение собора составилось не в начале лишь XVII века, а постепенно, начиная со времени устроения его в XIII веке.

Козломской собор вначале состоял в ведомстве Ростовской епархии. В 1277 году, например, для погребения князя Василия Ярославича Квашни приезжал в Козлому ростовский епископ Игнатий. Затем был подчинен московскому митрополиту. В конце же XVI века он своим непосредственным архипастырем считал уже московского патриарха. Сохранились грамоты патриархов Иосифа и Никона, свидетельствующие об этом. Архипастыри всегда благоволили к нему и заботились о его благоустройстве.

Успенский собор зимой. Открытка десятих годов XX века по фотографии А. Павловича.

* То есть просфорницу.

Пользовался собором благоволением и от князей московских и особенно от царей. Великий князь московский Василий Иванович (1505–1533) первый дал собору несудимую грамоту, которая подтверждалась после всеми царями, кончая Алексеем Михайловичем. Из грамоты царя Феодора Ивановича, данной в 1586 году взамен старой, обветшавшей грамоты Василия Ивановича, мы видим, что собор имел в Костромском уезде немалое количество своих крестьян, которых ведает и судит, как и пономаря и проскурницу* и сторожей, протопоп Алексей с братией или кому прикажет, кроме, впрочем, душегубства и разбоя с поличным. Сам же протопоп с братией за свои проступки подлежал суду лишь самого царя или царского дворецкого.

В соборные владения не имели права въезжать, кроме назначенного царем пристава, ни наместники царские, ни тиуны, ни другие чины. Насильно въехавших дано право соборным властям изгонять вон.

Независимо от сего, той же грамотой дано соборному причту право брать за венечное знамя (позволение) со всех жителей Костромы и Костромского уезда, желающих вступить в брак — по старине: с холостого 10 денег, со вдовца два алтына, со взиманием в случае утайки или ослушания в штраф рубля, из которого одна полтина следовала в государеву казну, а другая в пользу протопопа с братией.

Этим сказанием мы заключаем наш очерк истории собора за первые три века. Историю собора нельзя назвать выходящей из ряда вон, тем не менее она интересная. Мы теперь по крайней мере знаем, что Кострома населялась и развивалась под сенью своего собора и под покровительством Божией Матери, Феодоровскую икону Которой собор хранил и хранит как величайшую святыню. Нам теперь ведомо и то, что самый собор строился и благоустроился благодаря лишь усердию и расположению к нему граждан.

Такой же характер носит и дальнейшая его история, как увидим.

Успенский собор в XVII и XVIII веках до пожара 1773 года включительно

Период истории собора XVII и XVIII веков характеризуется, с одной стороны, особым вниманием и милостями к собору царственных особ, с другой — частыми опустошительными пожарами. Царские милости, естественно, служили к материальному и духовному процветанию собора, пожары же к понижению его благосостояния. Как бы невидимая какая-то сила одной рукой созидала, другой разрушала. В конце концов, однако, к началу XIX века собор является снова в своем величии и красоте.

1. Особое благоволение к собору царя Михаила Феодоровича

Из царственных особ XVII века особенно благоволил к собору царь Михаил Феодорович со своим отцом святейшим патриархом Филаретом Никитичем и матерью старицей Марфой Ивановной. Последующие цари лишь следовали примеру его. Царю Михаилу Феодоровичу Успенский собор до известной степени был родным храмом, так как он не только был костромской дворянин, но имел при соборе в кремле свой осадный двор, носивший имя старицы Марфы Ивановны. Немудрено, что во дни юности, до избрания на царство, Михаилу Феодоровичу не раз приходилось бывать и останавливаться в этом доме и ходить с матерью Марфой Ивановной в собор к богослужению.

Но еще больше приковывалось внимание и благоговение к собору царя Михаила Феодоровича постоянным присутствием здесь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, той самой иконы, которой мать его, старица Марфа Ивановна, благословила его 14 марта 1613 года на царство, поручив его, еще юношу неопытного, немощного, водительству и покровительству Божией Матери. Руководствуясь этими чувствами и благодарностью к Богу и Матери Божией, благодетельству ему, царь до конца своей жизни не переставал оказывать свои милости и собору, и соборному духовенству.

Заботы царя об украшении и прославлении Феодоровской иконы

Первой заботой царя Михаила Феодоровича по отношению к костромскому собору была забота о прославлении и украшении святой чудотворной Феодоровской иконы. Для украшения иконы он делал к ней дорогие приклады из серебра, золота, драгоценных камней и жемчуга, обновлял икону; копию с иконы, взятую с со-

бой из Костромы в Москву, сделал своей домашней иконой; установил в Костроме и при царском дворце в честь Феодоровской иконы и в ознаменование дня своего восшествия на престол 14 марта особый праздник.

А. Царские приклады

Вот некоторые более ценные украшения святой иконы, составляющие *приклад* благочестивого царя Михаила Феодоровича, перечисленные в писцовых книгах 1628–1630 годов и в соборной описи 1702 года¹³.

На образе, обложенном, по-видимому, раньше чеканным серебром, между многими украшениями были следующие украшения царя Михаила Феодоровича:

1) *Крест* золочен с мощами; в нем два яхонта червчатых, да около прядь жемчугу, да в наглавии яхонт лазорев, да на закрепе два жемчуга бурмицких, весу в нем (кресте) 51 золотник.

2) У Пречистой *оглавие*, низаное жемчугом большим на золотой дске, в оглавии 41 зерно бурмицких да камень изумруд большой, да шесть изумрудов малых в золотых гнездах, да камень лал большой, да вставка яхонт лазорев на восемь граней... (и еще несколько).

3) *Ожерелье* жемчужное большое на золотой дске, в нем три яхонта лазоревых и два лала в золотых гнездах.

4) *Рясны* – привески жемчужные, большие, восемь прядей (в ½ аршина длины, 1 вершок ширины); у рясн две колодки золотые, в колодках по три изумруда, да по два яхонта червчатых, да по 12 жемчугов бурмицких на золотых спнях* и так далее¹⁴;

на колодках рясн вырезана надпись: «Божию милостию великий князь Михаил Феодорович вся Русии самодержец и великая старица Марфа Ивановна принесли сии рясны на Кострому в соборную церковь к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския, в пятое лето государства своего»**.

5) *Цата* (нагрудник) золотая, ли- тая, а в ней 16 яхонтов червчатых,

все в золотых гнездах; у цаты 19 жемчугов бурмицких на золотых спнях;

¹³ В первом отделении статьи 4*** мы уже говорили о ряснах и цатах царских, но говорили очень недостаточно.

¹⁴ Опускаем перечисление многих других камней и жемчугов.

* Здесь и далее исправлено (у автора – на *сенех*).

** Более точный текст этой надписи см. на с. 184, 468.

*** В настоящей публикации – на с. 118.

Цата, приклад царя Михаила Феодоровича к чудотворной Феодоровской иконе. Фото А. Шмидта, конец XIX века.

и 6) жемчужная накладная риза. На этой ризе по грунту мелкого жемчуга низаны травы и разводы самым крупным жемчугом. Между звездами восточного хрусталя устроены эмалевый крест и золотые скобы, украшенные довольно большим количеством яхонтов и алмазов. Между многими цветными камнями особенно замечателен камень лазоревый с рельефным изображением святителя Николая, называемый «Баус».

Все эти приклады царя Михаила Феодоровича до сих пор служат украшением Феодоровской иконы Божией Матери, будучи прикреплены вместе с другими ценностями к золотой ризе, устроенной в 1891 году.

Но этим царь Михаил Феодорович далеко не ограничивал своей заботливости об иконе. Испросив благословение и разрешение у своего родителя святейшего патриарха Филарета, царь решился обновить чудотворный образ.

Б. Обновление святой Феодоровской иконы в 1636 году

Святой чудотворный Феодоровский образ Божией Матери, чудесно перенесенный в XIII столетии из Городца в Кострому, до начала XVII века или, вернее, до дней царствования Михаила Феодоровича, по-видимому, оставался неприкосновенным в том виде, в каком вышел из рук неизвестного иконописца в неизвестные отдаленные времена. Но в начале XVII века были замечены на нем, надо полагать, некоторые серьезные недостатки, иначе царь Михаил Феодорович, особенно благоговевший пред ним, не решился бы приступить к обновлению его. Однако обновление на этот раз было, по-видимому, не совсем удачно. В царствование Феодора Алексеевича пришлось снова обновить икону. Но и этого обновления достало только лет на 70, до царствования Елизаветы Петровны. В 1745 году еще раз святая икона была обновлена. Какие недостатки были замечены на святой иконе и как они устранялись? Вот вопрос, на который мы должны дать здесь ответ.

Первое обновление святой иконы описано в единственном рукописном документе XVII века, излагающем историю явления чудотворной иконы в Костроме с прибавлением чудес, совершившихся от этой иконы раньше и после обновления ее в 1636 году. Достоверность первого обновления подтверждается историей второго обновления, где между прочим говорится: «О празднестве (по поводу обновления) учинить против прошлого 144 (1636) году».

«В лето 7144 (1636) апреля 20, — говорится в рукописи о явлении в Костроме иконы, — во дни благочестивыя державы великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России и отца его богомольца святейшаго Филарета патриарха Московскаго и всея России, Милосердый Господь Бог наш Своим богодухновенным духом вдохну в сердца их о одушевленном Божии

Патриарх Иоаким.
Портрет 1678 года.

Кивоте и о Ея богонаписанном образе. Сия благочестивая двоица (царь и патриарх, сын с отцом) совет благ между собою сотвориша, еже бы им с чудотворнаго и святого Ея образа Феодоровскаго древняя олифа сняти: бе бо от многих лет престарелася вельми, и еже бы им обновити новою олифою» .

Таким образом, главным и единственным недостатком в иконе в 1636 году была отмечена старость, может быть, чернота или неровность истрескавшейся олифы. Следовательно, и обновление состояло лишь в наложении на святую икону только новой олифы без поправки живописи.

Во всяком случае, обновление было обставлено всеми предосторожностями, какие требовались необычностью и святостью дела. От царя и патриарха последовало об этом на имя костромского воеводы князя Ивана Шаховского и костромского духовенства особое повеление. Повелевалось, чтобы снятие с иконы старой олифы и наложение новой было совершено в самом соборном храме; при чем должны совершаться всенощные бдения, молебны, чтение Псалтири и молитв, призывающих Господа на помощь. Все это и было исполнено с точностью настоятелями костромских монастырей: Ипатьевского архимандритом Тихоном, Крестовоздвиженского архимандритом Корнилием и Богоявленского — игуменом Ферাপонтом, соборным протопопом Феодором и прочим городским духовенством. «И бысть вскоре обновися сей чудотворный образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския новою олифою в лето 7144 мая в 4 день, и светися чудотворный образ на прежнем ея месте близ царских дверей, от десныя стороны против праваго клироса» (рукопись).

Так совершилось первое обновление святой иконы. Это обновление сопровождалось множеством чудесных исцелений, описанных в древней рукописи вслед за историей обновления и перепечатанных в недавно изданном «Сказании о Феодоровской иконе» (1908 год). Но в то же время это первое обновление как бы дало пример для новых двух обновлений, о коих скажем кстати здесь же.

В. Второе обновление святой иконы

К концу XVII столетия наложенная на образ в 1636 году новая олифа, по-видимому, опять испортилась; к тому же стал казаться обветшалым и киот, в котором помещалась святая икона. И вот поэтому получается в Костроме от царя Феодора Алексеевича и святейшего патриарха Иоакима новое повеление от 25 октября 185 (1676) года, чтобы с чудотворного образа старую (1636 года) олифу снять и положить новую, и икону поставить в новый киот, сопровождая

дело молитвенными славословиями подобно тому, как было в 1636 году. Самое обновление и празднество по этому поводу в современном сказании описываются так: «В нынешнем 185 году (1677) апреля в 10 день в соборной церкви Пресвятыя Богородицы молебствовали о поновлении Ея чудотворнаго образа и воду святили, в начале 6 часа¹⁵ дня в первой четверти, и отнесен (образ) в палату у соборной же церкви, что под колоколы (колокольней). Оклад снят весь, и олифа снята, и наложили олифу (новую) апреля 13-го в той же палате с молебном, и отнесен (образ) за алтари на солнце. Апреля в 14 день в палате прежний оклад весь положен к чудотворному образу с молебном. И того же дня в 4 часу внесен чудотворный образ в соборную церковь с молебном, и воду святили, и поставлен (образ) в киот новой по прежнему. 14 апреля, на память преп. Симеона Перситакаго». По поводу обновления святой иконы было учинено особое церковное празднество в честь Пресвятой Богородицы. Во главе торжества стояли: Ипатьевского монастыря настоятель архимандрит Антоний, Богоявленского монастыря – игумен Павел и другие игумены, соборный протопоп Сергей с братией; участвовало и прочее городское духовенство и граждане.

В конце рукописи сделана заметка, что за обновлением иконы имел наблюдение Богоявленского монастыря игумен Павел и что «чудотворный образ поновлен по обещанию от скорби и по челобитию дьяка Иакова Поздышева». Последнее кажется что-то невероятным: неужели на такое великое дело могли решиться царь и святейший патриарх по челобитью только какого-то дьяка? Легче предположить, что инициатива вторичного обновления исходила от костромского монашеского и белого духовенства. Царь и патриарх только уважили челобитье, удостоверившись в основательности просьбы.

Г. Третье обновление святой иконы

К половине XVIII столетия и вторичное обновление святой иконы пришло в расстройство. В 1739 году архимандрит Ипатьевского монастыря Пимен (после епископ Вологодский) доносил Святейшему Синоду, что обычай носить Феодоровскую икону из собора в городские приходские церкви и по домам граждан становится опасным, «чтоб за ветхостию оной святой чудотворной иконы от частых хождений не учинилось какого наивящаго повреждения». Святейший Синод воспретил ношение иконы по домам граждан и в то же время предписал имеющийся в костромской Успенской соборной церкви чудотворный образ Пресвятой Богородицы Феодоровской возобновить пристойным образом под присмотром Богоявленского монастыря, что на Костроме ж, архимандрита Никанора и собор-

¹⁵ Часы, по-видимому, поставлены церковные: 6 вместо 12, 10 вместо 4* и так далее.

* То есть 16, или 4 часа дня.

ного протопопа с братией; для сего приказано протопопу с братией призвать из Москвы иконописца искусного, дабы оный образ письмом обновлен был во всем против прежнего письма безотменно¹⁶. Это поновление чудотворной иконы совершилось в 1745 году. На обороте оклада иконы сохранилась об этом резная надпись такого содержания: «В лето 1745, при державе Благочестивейшия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, благословением Святейшаго Правительствующаго Синода, при первом епископе Симоне, поновлена чудотворная икона Пресвятыя Богородицы Феодоровския зографством и украшением серебра и злата»¹⁷.

Итак, наша благоговейно чтимая Феодоровская чудотворная икона в продолжение с небольшим ста лет (1636—1745 годы) была поновлена три раза: в первые два раза была покрыта новой олифой, в третий же раз не обошлось без поправки иконописи, обновлена зографством. Но те указания, какие были даны патриархами и Святейшим Синодом в руководство при обновлении иконы, и те предосторожности, какие были соблюдены при этом, дают нам полное ручательство в том, что обновления не касались существа святой иконы, не касались лика Пречистой Богородицы и Богомладенца; лик был и остается тот, какой был на иконе в XIII столетии. По крайней мере, Святейший Синод предписывал, чтобы «образ письмом обновлен был во всем противу прежнего письма безотменно». Мы разумеем в этом случае указание лишь на поправку одевания Божией Матери, которое под окладом могло испортиться и действительно портится легче всего. Очертания этой поправки под ризой сохранились до наших дней. Но сравнительно с ликом Матери Божией и Богомладенца они, пожалуй, требуют новой поправки. Лики же Божией Матери и Богомладенца, покрытые слюдой, хотя и темноваты, но отличаются чудной свежестью.

Д. Новый праздник в честь Феодоровской иконы в Костроме 14 марта

До дней царствования Михаила Феодоровича в Костроме знали только один праздник в честь Феодоровской иконы Божией Матери: день Успения Пресвятой Богородицы — 15 августа, так как в этот именно день святой великомученик Феодор Стратилат принес икону в Кострому из Городца¹⁸.

Но царь Михаил Феодорович, питавший к иконе необычайное благоговение, не мог примириться с этим порядком. Не отменяя

¹⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по духовному ведомству, царствование Елизаветы Петровны, т. 1, 1741—1743 годы, издание 1889 года.

¹⁷ Первый епископ Симон Тодорский совсем не бывал в Костроме, будучи переведен в августе 1745 года в Псков. «Костромские архипастыри», 1898 год, стр. 16.

¹⁸ Явилась же икона князю Василию и перенесена в Кострому торжественно на второй день Успения 16 августа. «Сказание о Феодоровской иконе», 1908 год.

празднования в день явления иконы 15 августа, он, однако, повелел установить новый праздник в честь чудотворной иконы и приурочить этот праздник ко дню вступления своего на царство всероссийское, к 14 марта. Не сохранилось точных указаний, когда именно последовало повеление от царя об установлении нового праздника. Но нельзя сомневаться, что вскоре по воцарении, последовавшем 14 марта 1613 года. Все рукописные службы времен XVII века, относящиеся по содержанию ко дню явления иконы 15 августа, носят заглавие: «Служба 14 марта»¹⁹. Не без участия, конечно, совершилось установление нового праздника и со стороны отца царева святейшего патриарха Филарета и матери старицы Марфы Ивановны. Михаил Феодорович со своими родителями этим хотели и воздать Богу и Божией Матери благодарение за милость, и ознаменовать навеки день своего восшествия на престол. Действительно, этим праздником Михаил Феодорович увековечил свое имя в Костроме. Установленный им праздник 14 марта торжественно совершается в Костроме ежегодно вот уже почти 300 лет. Это один из самых больших костромских праздников с патриотическим оттенком, с молением за царя Михаила Феодоровича. Накануне за торжественной вечерней обязательно провозглашается Михаилу Феодоровичу вечная память. Праздник явления иконы 15 августа после установления праздника 14 марта отошел на второй план*.

Царь Михаил Феодорович. Портрет восьмидесятых годов XVII века.

Е. Установление праздника в честь Феодоровской иконы в царском дворце

Не довольствуясь установлением нового праздника в честь Феодоровской иконы в Костроме, царь Михаил Феодорович со своими родителями восхотели, чтобы такой же праздник 14 марта совершался и в царском дворце, в придворной Рождественской церкви, что в Московском Кремле. Здесь в числе местных икон стояла копия с костромской Феодоровской чудотворной иконы Богоматери, принесенная в Москву из Костромы матерью царя Михаила Феодоровича. Сему-то обетному образу и установилось ежегодное празднество 14 марта. Установленное Михаилом Феодоровичем дворцовое торжество праздновалось и позднее, даже во дни Елизаветы Петровны, хотя и не так торжественно, как раньше. Почти до конца XVII столетия в праздник 14 марта в дворцовом храме службы совершались

* Правильнее сказать, что в прежние времена празднование 14 марта совершалось торжественнее, чем отмечалось явление иконы 16 августа (по старому стилю). Так, отец Павел Островский указывал: «Праздник явления чудотворного Феодоровского образа Богоматери 16 августа в сравнении с праздником 14 марта во всех отношениях можно назвать второстепенным» («Историческое описание...», с. 5).

¹⁹ В 1616 (124) году царь повелел уже костромскому соборному протопопу ездить в Москву со святой водой, освященной в праздник 14 марта. Островский, [стр.] 206.

высокопосты, иногда патриаршие, с большими царскими выходами; на праздник давалось гостям жалование, бедноте милостыня. Патриаршие службы совершались по особому уставу. Устав был таков: «В 14 день марта празднуют Пресвятой Богородице Феодоровской для наречения государева; аще в постен день прилучится праздник сей²⁰, накануне к часам благовест во вседневной, а к вечерне звон с большим Успенским колоколом; когда бывает выход, ко всенощному благовест и звон с большим же; а в самый праздник к часам не часят благовест до самой вечерни²¹, и звон ему, государю, потом и прочее. Патриарх у праздника бывает, служит со властью, после обедни молебен бывает». Это основной устав, который видоизменялся иногда по обстоятельствам: то иногда выхода царского не было, то патриарх не служил, или праздник переносился на другое число, когда 14 марта праздновать признавалось почему-либо неудобным. Во всяком случае, праздник во дворце с особенной торжественностью справлялся почти до конца XVII столетия. В 1688 году, например, праздновали в честь Феодоровской иконы во дворце во вторую неделю (воскресенье) Великого поста, а 14 [марта] приходилось в субботу третьей недели; патриарх был у всенощной со властью, были на всенощной и царь Иоанн и царевны; обедня в 2 часа (в 8 часов), служил святейший вверху, и цари оба были. В 1689 году праздновали в неделю пятую (а 14 число было в субботу), служил обедню святейший, были большие царевны, звону ради государей не было. В 1688 году на придворном празднике прилучалось быть Киево-Печерской лавры наместнику Варлааму Ясинскому и блюстителю Антониевых пещер Паисию со слугами в числе 22 человек. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи и царевна София были настолько милостивы к гостям, что «для праздника Пресвятыя Богородицы Феодоровския 14 марта всем им жалование (подарки, гостинцы) дали».

Последние известия об этом придворном празднике мы имеем из времен царствования Елизаветы Петровны в том смысле, что в этот праздник в придворной Рождественской церкви читался акафист Божией Матери, по особенному, впрочем, повелению императрицы Елизаветы Петровны.

*Ж. Поездка соборного причта в Москву
к царю со святой водой*

Характернее всего то, что царь Михаил Феодорович в [7]124 (1616) году установил, чтобы протопоп костромского Успенского собора с диаконом ездил в Москву к царю дважды в год (после праздника Успения и 14 марта) со святыней, то есть со святой во-

²⁰ 14 марта бывает всегда Великим постом; здесь разумеются под постными днями, вероятно, те дни, когда не позволяется вкушать рыбу, среды, пятницы.

²¹ Разумеется вечернее великопостное [богослужение], соединенное с часами.

дой и просфорой, освященными в праздник. На пути от Костромы до Москвы повелевалось всем ямщикам давать протопопу с диаконом и «под святыя воды» бесплатно: зимним путем по две подводды, а летом по три. В [7]170 (1662) году протопоп Дмитрий жаловался царю Алексею Михайловичу, что в проезд его в этом году к Москве со святыней Ярославского и Переяславского ямов староста и все ямщики от Ярославля до Москвы подвод ему не дали. Последствием жалобы было царское от 21 апреля 170 (1662) года повеление: «Ярославскаго яму старосте, или лучшеж, ямщику велеть учинить наказание: *бить батоги нещадно*, да на них же доправить прогонныя деньги от Ярославля до Переяславля Залесскаго на две подводды *вдвое* двадцать четыре алтына, для того, чтобы им впредь так не повадно было воровать». Протопопу же Дмитрию дана с царского повеления копия для предъявления в будущие годы своих прав на подводды царским воеводам, приказным людям.

3. Призвание царя Михаила Феодоровича к чествованию святой иконы и к охране ее в Костроме

Заботы царя Михаила Феодоровича о прославлении Феодоровской иконы простирались до того, что он повелел, чтобы в Костроме в Господские праздники, когда в соборе бывают общие молебны пред чудотворной иконой и когда икона износится из собора для крестных ходов вокруг города, или в монастыри, или к приходским церквям и на освящение церквей, чтобы в эти дни непременно собиралось в собор все городское духовенство, попы и диаконы, и участвовали бы в крестных ходах с великой честью и со тщанием; воеводы же костромские для чести и оберегания иконы Пречистой Богородицы обязаны были назначать в крестные ходы стрельцов и пушкарей. Во дни царствования Алексея Михайловича это установление стало выполняться неаккуратно. На это жаловался протоиерей Димитрий с братией царю Алексею Михайловичу, и царь 28 мая 1661 (1661) года прислал на имя игумена Богоявленского монастыря Герасима строгое подтверждение о выполнении старинного порядка.

Сколько забот положил царь Михаил Феодорович по отношению к одной только Феодоровской иконе, которую почитал как величайшую святыню! Но его заботливость касалась и других многих сторон соборной жизни, как мы уже заметили выше. Кроме перечисленных выше вкладов, он сделал несколько и других ценных пожертвований в пользу собора, давал различные привилегии и собору, и соборному духовенству, и так далее. Словом, заботился о костромском соборе, как чадолюбивый отец о своем детище. Мы не упустим указать в своем месте и на эти царские милости.

2. Некоторые перемены в строе соборной жизни до 1773 года

Внешний вид и внутреннее благоустройство Успенского собора, представленные нами раньше в статье «Первоначальный план и фасад собора», существенных перемен до 1773 года не испытали. Но без второстепенных изменений, особенно после пожаров, вроде новых небольших пристроек, перемены крыши, исправления стеной живописи, обогащения новыми вкладами и приобретением ризницы и тому подобного, конечно, не обошлось. Вместе с тем повысилось несколько и значение собора среди городских храмов, благодаря, с одной стороны, милостивому к нему отношению царя Михаила Феодоровича и последующих царственных особ, с другой – учреждению в 1744 году Костромской епархии. Собор с учреждения епархии хотя и не был сразу возведен на степень кафедрального, но тем не менее стал местом частовременного архиерейского служения, привлекая тем к себе большее внимание и усердие со стороны граждан.

а) Новый придел Феодора Стратилата

К числу более видных придатков Успенского собора, явившихся в XVII и XVIII столетиях, можно отнести только новый придел святого великомученика Феодора Стратилата как отдельное строение, примкнутое к собору с западной стороны. Мы уже имели случай мимоходом говорить об этом приделе. Теперь скажем несколько обстоятельнее.

Придел Феодора Стратилата был при Успенском соборе и раньше, с XIII столетия, но занимал место в самом соборе с левой стороны, где теперь жертвенник главного Успенского собора. Алтарь собора и для одного главного придела довольно тесен, особенно когда бывает архиерейское служение. Но два придела в нем могли помещаться только по крайней нужде, пока не было средств для разделения их. В половине XVII века, по-видимому, обстоятельства благоприятствовали устранению этого неудобства. Кому принадлежит первая мысль об устройении отдельного от собора придела Феодора Стратилата, точных данных об этом не сохранилось. Вероятно, соборному причту. В челобитии соборного протопопа Дмитрия Анфиногенова, поданном царю Алексею Михайловичу в [7]173

134

Царь Алексей Михайлович.
Гравюра XVIII века.

(1665) году о дозволении начать заготавливать материал для предполагаемой постройки придела, говорится, что каменный придел во имя Феодора Стратилата велено приделать к соборной церкви Пречистыя Богородицы по указу великого государя. Из этих слов можно понять, как будто инициатива принадлежала самому царю. Но это едва ли так было. Нельзя не отметить в этом чисто церковном деле ту особенность, что соборный протоиерей Дмитрий обращается с челобитьем не к патриарху или к заместителю его, как бы следовало, а непосредственно к царю Алексею Михайловичу. Очевидно, соборный причт считал ближе к себе царя, чем патриарха. Во всяком случае, царь передал челобитье протопопа к выполнению преосвященному Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому, ведавшему «меж патриаршества» духовными делами²². Митрополит Павел, разрешив протопопу Дмитрию Анфиногенову заготовить для предполагаемого придела нужный материал — камень, кирпич, песок, известь и прочее, — указал самый план устройства. Именно, чтобы придел был примкнут к соборной церкви «посторонь тоя соборныя церкви, особою статьею»²³, чтобы приделанные двери были в паперть и вход в придел был бы с паперти, а из церкви (собора) входу не было бы, чтобы глава на той церкви (приделе) была не шатровая, алтарь круглый (полукруглый, как и в Успенском соборе), в церковь (из паперти) и в алтарь были бы тройные двери: царские, южные и северные²⁴; подле царских дверей в иконостасе в правую сторону поставить образ Всемилостивого Спаса, подле Спасова образа — образ настоящей церкви (то есть Феодора Стратилата), по левую — образ Пречистыя Богородицы и иные образа по чину. В заключение митрополит разрешает по устройению получить для придела антиминос и придел освятить по уставленному чину (грамота митрополита 7173 (1665) года августа 1). Устройство придела и освящение совершилось, конечно, уже не раньше 1666 года.

б) Пожары 1654 и 1679 годов

Пожар 1654 года, перекинувший на собор пламя со съезжей избы и деревянной теплой церкви соседнего Троицкого собора, отстоявшей от Успенского собора в четырех сажнях, причинил Успенскому собору, по-видимому, серьезный вред. Костромской соборный протопоп Никита с братией доносили святейшему патриарху Никону, что соборная церковь «обгорела», что по случаю пожа-

²² Патриарх Никон был уже в опале и жил в Ново-Иерусалимском монастыре.

²³ Он составляет совершенно отдельную церковь в меру длины собора, но своих имеет только три стены, четвертую заменяет соборная стена.

²⁴ Прежняя паперть со временем обращена в притвор церковный, отделяющийся теперь от церкви не стеной, как было вначале, а тремя арками с двумя круглыми колоннами.

ра пришлось на соборной церкви «кровлю и главы и на колокольне колокола и часы вновь построить». Следовательно, собор не только *обгорел*, но и *лишился кровли, глав, колоколов и часов*.

Поводом к обращению протопопа Никиты с челобитьем к патриарху было намерение троицкого попа Стефана построить на старом месте вместо сгоревшей новую деревянную церковь. Протопоп с братией видел в этом новую опасность для собора в пожарном отношении. Патриарх Никон согласился со взглядом на дело протопопа и, в предупреждение могущих быть от близкого присутствия деревянных построек новых пожаров в соборе, грамотой от 12 сентября 7164 (1655) года на Кострому стольнику и воеводе Василию Михайловичу Еропкину повелел: чтобы около соборной церкви деревянного строения *ближе двадцати сажень* со всех четырех сторон *строить не велел*; те же деревянные строения из ранее построенных, какие окажутся около соборной церкви *ближе 20 сажень*, снести дальше, за указанное число сажень, чтобы от тех хором впредь соборной церкви порухи не было²⁵.

Эта мера предосторожности была очень не лишней. В 1679 году случился в кремле новый, более опустошительный пожар: сгорело множество келий бесприютных монахинь и немало осадных дворов. Но собор на этот раз *остался неприкосновенным* благодаря, может быть, исключительно тому, что деревянные постройки теперь стояли не близко к нему. Вот все, что можно сказать о переменах во внешнем строе собора за время XVII и XVIII столетий до 1773 года.

в) Прибавления во внутреннем благоустройстве

Со стороны внутреннего благоустройства собора усматриваются за время XVII и половины* XVIII столетий следующие изменения. В 1644 году устроен в соборе московским купецким человеком Федором Никитичем Коробейниковым *новый иконостас*; иконостас был вызолочен на церковные средства, старый же иконостас продан. Немудрено, что перемена иконостаса была вызвана пожаром 1654 года**, коснувшимся и внутреннего соборного благоустройства.

Учреждение в 1744 году Костромской епархии вызвало устройство в соборе особого *архиерейского места* с резной золотой сенью, особого амвона для архиерейского служения на середине храма и проповеднической *кафедры*. Клиросы правый и левый, стоявшие при передних колоннах лицом к алтарю, пришлось по этой причине отнести в паперть, то есть заменить хорами, устроенными на задней стене.

* Здесь и далее автор обозначает слово «половина» дробью ½.

** Указываемая автором связь между заменой иконостаса и пожаром выглядит анахронизмом.

²⁵ 1654 год был вообще для Костромы несчастный: в сентябре явилось моровое поветрие до того сильное, что умерших не успевали погребать, сваливали в общую яму. Из 5356 человек населения осталось в живых только 1895 человек. Козловский, [стр.] 104.

Внутренние стены собора, папертей и алтаря были расписаны *стенным письмом* от помоста до сводов в пять поясов, чего не замечается в первый период истории собора.

В соборном алтаре между другими святыми иконами появился небольшой штилистый образ Феодоровской иконы Божией Матери, который по преданию считается вкладом царя Михаила Феодоровича. Мы уже заметили в первом отделе статьи 4*, что писцовые книги 1628 года и опись 1702 года говорят только о прикладе к иконе от царя Михаила Феодоровича, а не о самой иконе. Однако на новом окладе, устроенном в 1769 году, вырезана надпись такого рода: «Сей святыи образ Пресвятыи Богородицы Феодоровския пожаловал вкладу в Костромской Успенский собор государь царь Михаил Феодорович всея России».

Встречается в истории благоволения к собору царя Михаила Феодоровича и другое недоразумение подобного рода. В писцовых книгах 1628 года между прочим говорится, что царем Михаилом Феодоровичем пожалован собору колокол большой благовестный в 200 пудов. Между тем в описи 1702 года помещен под первым номером колокол большой благовестный только в 125 ½ пуда. Только в 1737 году, когда этот колокол был перелит с прибавкой меди, он стал весить 215 пудов. О том, что он составлял царский вклад, в описи 1702–1745 годов нет ни слова. Куда девался упоминаемый в писцовых книгах царский колокол в 200 пудов, неизвестно. Уже не разбился ли или не растопился ли в пожар 1654 года с другими колоколами, о коих говорит протопоп Никита в челобитной к патриарху Никону?..

г) Новый 1000-[пудовы]й колокол

Предлагаем интересную историю 1000-ного** колокола, который был отлит и помещен на колокольню в половине XVIII века и разбился в пожар 1773 года.

Для соборного храма, стоявшего в XVIII веке во главе уже 40 городских церквей и составлявшего красу и гордость города, колокол и в 215 пудов казался уже малым. Соборный причт и граждане не переставали лелеять мысль о новом, более громозвучном колоколе и выжидали благоприятного к тому случая. Такой случай и представился в 1756 году. По Волге мимо Костромы из Балахны с медноплавильных и железных заводов некоего директора Петра Осипова в июне 1756 года провозилась на дощаниках в Москву

Феодоровский образ Божией Матери, считавшийся вкладом царя Михаила Феодоровича. Фото В.Н. Кларка, 1908–1909 годы.

137

* То есть при описании иконы в главе «Внешнее и внутреннее благоустройство собора вначале», см. с. 119.

** Так в тексте статьи: 1000-й, 1000-ного.

медь до 3650 пудов. Под Костромой случилась стоянка. Командовал дощаниками доверенный Осипова приказчик Семен Богданов, человек благочестивый и податливый. Соборный протопоп Иван Семенов с причтом воспользовались добротой Богданова, склонили его уступить собору из провозимой меди на колокол до 600 пудов. Богданов согласился охотно продать 623 пуда по 6 рублей 50 копеек, всего на 4049 рублей 50 копеек, с долговременной рассрочкой уплаты. На первый раз при приеме меди было уплачено Богданову 249 рублей 50 копеек; остальные 3800 рублей протопоп с причтом обязались платить по 500 рублей в год в течение 8 лет. (Указ консистории 5 августа 1756 года № 836). Так собор, по-видимому, был небогат деньгами! Прошло несколько месяцев; соборный причт, довольный хорошим началом доброго дела, готов был уже приступить к отлиту 1000-пудового колокола. Но в октябре того же 1756 года встретилась неожиданная и очень серьезная остановка. Хозяин меди директор Петр Осипов остался очень недоволен сделкой своего приказчика Семена Богданова с соборным причтом и прошением своим к костромскому епископу Павлу потребовал медь свою обратно (прошение в копии, помеченное октябрём 1756 года). По-видимому, дело как-то уладилось, и новый 1000-пудовый колокол был отлит вскоре.

Сохранился в делах реестр материала, сданного соборному колокольному литейщику челябинскому купцу Михаилу Андрееву — с тем, чтобы отлит был колокол в 800 пудов. Так, сдано было: 1) меди 623 пуда, очевидно, той, которая куплена у балахнинского заводчика Петра Осипова; 2) Богоявленский (монастырский) колокол в 10 пудов 30 фунтов; 3) Косьмодемьянский (церковный) колокол в 5 пудов 30 фунтов; 4) Ильинский (церковный) колокол в 3 пуда 12 фунтов; 5) Троицкий (церковный) колокол в 1 пуд 17 фунтов; 6) разбитой меди 12 пудов 7 фунтов; 7) два соборных колокола: в 20 пудов 10 фунтов и в 1 пуд 14 фунтов; 8) колокольной меди 22 пуда 31 фунт, олова 180 пудов 20 фунтов. Итого 880 пудов 24 фунта.

В делах не находим сведений о том, во сколько пудов вышел колокол, вылитый из этого материала. Но в описи сгоревшего в 1773 году соборного имущества между прочим упоминается, что упавший с колокольни и разбившийся колокол был весом в 1004 пуда. Это именно тот самый колокол, который был отлит в 1756 году или немного позже.

Замечательная в этом деле энергия и настойчивость соборного причта: начать многотысячное дело, имея в запасе только 249 рублей 50 копеек, не всякий решится²⁶. Нельзя не отметить с удовольствием и сочувствие к доброму делу некоторых городских причтов,

²⁶ Подобная история повторилась в недавней позолоте соборных глав.

выразившееся в уступке на отливку соборного колокола своих колоколов.

Таковы изменения во внешнем и внутреннем строе самого собора, происшедшие в XVII веке и в половине XVIII века. Изменения большей частью служили к улучшению строя, к возвышению соборного благолепия, внешнего и внутреннего. Собор как будто нарочно принарядился пред страшным несчастьем, имевшим постигнуть его в 1773 году.

В половине XVIII века мы видим собор стоящим, как и раньше, в центре кремля среди множества храмов и жилых дворов, увенчанным пятью главами, из коих средняя обита белым немецким железом, прочие — муравленой зеленой черепицей, наружные стены собора в закомарах (под крышей, в углублениях) расписаны; на колокольне собора гудел уже в 1004 пуда колокол и отбивали на весь город часы. Внутри собора и нового придела, даже на папертях, всюду стенная живопись, иконостасы алтарные и вокруг четырех колонн блестят золотом, покрывающим местные иконы и резьбу. Незадолго пред пожаром даже слюдяные окна были заменены стекльчатými. Словом, собор как бы радостно улыбался, принимая к себе для торжественных служб местных владык и граждан, хотя и не имел еще чести называться кафедральным.

д) Обеспечение собора

При всем этом, нужно сказать, собор не имел определенного обеспечения — ни от казны, ни от кого другого, жил жертвами граждан и настолько был небогат, что 3800 рублей за купленную на колокол медь нашел возможным уплатить только в 8 лет. Из казны в пользу собора получалось по грамоте царя Михаила Феодоровича от 12 мая 7144 (1636) года, подтвержденной в 7188 (1680) и 7192 (1684) годах царями Феодором Алексеевичем и Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем, только: на неугасимую свечу пред чудотворный образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския воску по 7 пудов на 27 рублей 30 копеек, ладану 12 фунтов на 1 рубль 80 копеек и церковного вина 1 ведро на 80 копеек, всего на сумму 29 рублей 90 копеек*. Конечно, это была скудная поддержка для собора. По самому скромному подсчету, сделанному в 1697 году, одно освещение собора и богослужение требовало до 164 рублей 60 копеек в год. Но ведь нужны были сторожа, ремонт собора, отопление и так далее.

3. Штат соборного духовенства

а) Число служащих

Костромской Успенский собор издавна имел соответствующее своему положению и назначению число священно-церковнослужителей.

* Следует отметить, что в текстах царских грамот стоимость воска, ладана и вина не указывается. Приводимые автором сведения, по-видимому, заимствованы им из выписки 1736 года, сделанной с копии ружной книги 1699 года — где, в свою очередь, указывалась стоимость воска, ладана и вина на 1697 год (см. описание протоиерея Иакова Арсеньева, с. 90—91, протоиерея Павла Островского, с. 238). С 1769 года по указу коллегии экономии именно такая сумма (29 рублей 90 копеек) выдавалась собору на неугасимую свечу пред чудотворным образом (см. описание протоиерея Павла Островского, с. 137).

телей с протоиереем во главе. Мы не знаем о числе соборных священно-церковнослужителей за первые три XIII, XIV, XV столетия, знаем только, что в XIII столетии встречал новоявленную икону Божией Матери соборный протопоп с духовенством. Звание «протопоп» невольно подсказывает о бытии при соборе и рядовых попов. Но в XVI столетии из грамоты царя Феодора Ивановича 1586 года нам уже становится положительно известно, что в конце XVI века при соборе был *протопоп* Алексей, *три попа* и *два диакона*. В царствование же Михаила Феодоровича соборный штат состоял уже из одного протопоба, четырех попов, двух диаконов и двух пономарей. В первой половине [XVIII века], с открытием Костромской епархии, было налицо при соборе служащих: протопоп 1, ключарь 1, попов 3, протодиакон 1, диаконов 2, дьячков 2, пономарей 2 и сторожей 3 – всего 15 человек.

б) Права и преимущества

Правительство XVII и XVIII столетий было очень озабочено предоставлением соборному духовенству независимости и достаточно-го содержания в жизни.

Так называемая *несудимая* грамота, данная царем Феодором Ивановичем в 1586 году, переписывалась на свое имя всеми царями от Бориса Годунова до Алексея Михайловича включительно. Несудимая, как и раньше, освобождала соборян и крестьян, живущих на соборных землях, от гражданского суда, податей и пошлин. Протопоп со старшей братией был начальник и судья над всеми, ему подчиненными. Сам же в проступках своих судился в приказе большого дворца в три срока: Рождество Христово, Троицын день и Симеона Летопроводца*. Помимо несудимой, немало последовало и новых грамот подобного рода. Из милостивой грамоты царя Михаила Феодоровича со своим отцом святейшим патриархом Филаретом от 9 июля 1623 года мы между прочим усматриваем, что еще в [7]122 (1614) году царем была назначена соборному причту *денежная руга*: протопопу Антонию** 22 рубля с полтиной, четырем попам по 12 рублей – 48 рублей, двум диаконам по 10 рублей – 20 рублей, двум пономарям по 1 рублю – 2 рубля. Кроме того, годовых *запасов*: протопопу 14 полоть (туш) мяса, 10 пудов соли; четырем попам по 12 полоть мяса, по 8 пудов соли каждому; диаконам по 9 полоть мяса, по 6 пудов соли; или же деньгами: за мясо и за соль всем

* То есть 1 сентября по старому стилю.

** Грамота 1614 года выдавалась протопопу Алексию и клирикам собора. По публикации в описании протоиерея Павла Островского (с. 204) грамота 1623 года датирована 11 июля.

Патриарх Филарет. Портрет из «Царского титулярника» 1672 года.

8 рублей 28 алтын 2 деньги (за полоть мяса по 2 алтына, за пуд соли по полтретья алтына). *Да хлебной руги*: протопопу 30 четвертей ржи, 30 четвертей овса, 10 четвертей солоду ячнова и 10 четвертей муки пшеничной. Попам каждому по 20 четвертей ржи, по 20 четвертей овса, по 6 четвертей со осьминою солоду ячнова; диаконам каждому по 15 четвертей ржи, 15 четвертей овса, 4 четверти солоду ячнова; двум пономарям каждому по 9 четвертей ржи и 9 четвертей овса. В 1673 году почему-то этот оклад уменьшен наполовину: и деньги и хлеб выдавались в «полы окладу» (грамота царя Алексея Михайловича 7181 года). В 1684 году за хлеб и мясо стали выдавать деньги (грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей 7192 года). Денежная руга выдавалась из костромских таможенных доходов на срок на Благовещеньев день, а хлебная получалась из дворцовых сел. Содержанием, определенным в 1673 и 1684 годах, соборный причт пользовался до половины XVIII столетия. В 1736 году, например, было отпущено из казны причту: протопопу и попам с причетниками денежного жалованья 101 рубль 12 алтын 4 деньги; за хлеб 25 рублей 22 алтына и полтри деньги – итого 127 рублей 1 алтын полпяты деньги*. Помимо того, соборному причту, в видах поддержания его в жизни, в царствование Алексея Михайловича было пожаловано по берегу реки Волги несколько *пожен*. Таковы: в Мерском стану остров Юшин с пожнями, пожня Протопопиха, пожня Дьякониха «Дура тож» и другие. Пожни давали причту 416 копен сена (грамота 7170 года, генваря 25).

Но и это еще не все: патриарх Иосиф в 7152 году (1643), не довольствуясь правом, данным соборному духовенству от царя Феодора Ивановича, братъ с брачующихся в Костроме и окрестностях Костромы венечные пошлины, пожаловал соборного протопопа Трофима с братией *правом святить* все устроенные и имеющиеся устроиться *церкви* в Костроме, в посадах, слободах, в Костромском уезде во всех станах, в костромских пригородках и в уездах, и за освящение каждой церкви брать по полтине (грамота патриарха 7152 (1643) сентябрь).

Вообще в XVII и половине XVIII столетий цари московские, начиная с Михаила Феодоровича, питали к причту костромского Успенского собора отеческую нежность. Мы уже говорили о том, что соборный протопоп с диаконом обязаны были дважды в год бывать в Москве пред лицом царя со святой водой. В 1736 году Московская синодальная контора – не без участия, вероятно, императрицы Анны Иоанновны – предоставила соборному протопопу в служении *первенство* пред строителями монастырей, а диакону соборному *первенство* пред иеродиаконами. Настоятелям костромских монастырей – архимандритам было предписано не брать с собой в собор на торжественные службы иеромонахов, чтобы не дать случая стоять им выше соборных священников.

* Здесь автор в действительности приводит сведения по 1697 году, содержащиеся в выписке 1736 года.

Но с учреждением в 1744 году Костромской епархии и с установлением в 1764 году общих для всей России духовных штатов положение соборного причта изменилось несколько к худшему: в 1769 году указом коллегии экономии сенные покосы, коими пользовался причт, отобраны в казну. Определено быть при соборе вместо четырех только двум священникам; жалованье положено: протопопу 14 рублей 89 копеек, двум священникам по 6 рублей 61 копейке, двум диаконам по 6 рублей 7 копеек, пономарям по 1 рублю 10 копеек. Ни о мясе, ни о хлебной руге теперь и речи нет. Положение причта теперь было, по-видимому, очень незавидное, но не безвыходное, причт перебивался с хлеба на квас.

Присутствие в соборе иконы Божией Матери Феодоровской давало возможность существовать при соборе без всякого жалованья даже сверхштатному причту в лице протодиакона, двум дьячкам и трем сторожам. Молебны пред чудотворной иконой в соборе и по домам граждан давали и в XVIII веке, как и ныне, некоторую доходность и тем помогали жить и штатному, и сверхштатному духовенству.

в) Народное возмущение в 1652 году против соборного протопопы Даниила и прочего духовенства

В 1904 году преподаватель духовной семинарии г[н] Л. Грандильевский поместил в «Костромских епархиальных ведомостях» (№ 16) следующие любопытные сведения о народном возмущении в 1652 году против соборного протопопы Даниила. Мая в 25 день 1652 года представшие пред костромским воеводой В.М. Еропкиным большесольские жители показали: боярина Бориса Ивановича Морозова крестьянин лысковец Куземка Васильев с товарищи, едучи снизу на судне, костромского протопопы Данилу на Волге, на берегу, на смерть били и скуфью сбили. Тот же Куземка Васильев с ярыжными пришел к соборной церкви, у воеводского двора, при воеводе при Юрии Аксакове того же протопопы оследем* били, а воевода и посадские люди того протопопы Куземке Васильеву подали и за него не стали. Таков пролог движения. А дальше вот что произошло. Мая в 28 день 1652 года в Костроме, в городе и за городом, появились толпы народа человек по сто, двести и более. То были крестьяне из села Селище вместе со своим священником Иваном, а также крестьяне села Мисского. Они ходили по улицам города и пели песни, сквернословили, будучи в пьяном виде, и производили разное другое бесчинство. Но одним бесчинством дело не ограничилось. «И которые люди, — говорится в деле, — стоят за благочестие, они (то есть бесчинники) тех (то есть людей благочестивых) побивали до смерти, а иных били замертво». Буйство бесчинников доходило до того, что они «Богоявленскаго монастыря игумена Герасима и братию и монастырских служек

* Оследь (ослядь) — толстая жердь.

и крестьян хотели побивать на смерть. Костромского протопopa Данилу хотели убить до смерти; и он, протопop, от их скопу и смертного убийства в Воздвиженский монастырь ушел, а они к соборной церкви скопом приходили и протопopa Данилу в соборной церкви и в городе искали. У соборной церкви скоморохи песни пели. Другие приходили с ножами к церкви и, стоя на церковных порогах, кричали в церковь отцам духовным, матерно их ругали и хотели их зарезать. А иные, увидя протопopa и иных добрых людей.., гонялись за людьми, и всякое скаредное дело в городе и уезде делали...».

Таким образом, говорит г[н] Гранди-левский, пред нами раскрывается полная картина дикого разгула страстей толпы. Мотивы этого движения от нас скрыты. Зато в самом движении вскрываются подробности, невольно обращающие на себя внимание. Так, по всему рассказу словно красной нитью проходит какая-то непонятная злоба бесчинников на духовных отцов. И вот еще другая любопытная подробность. В виду столь опасного направления народного движения всякий был бы вправе ожидать от местного воеводы энергичных мер к прекращению беспорядка. И мы в рассказе действительно встречаемся с просьбой со стороны духовных лиц о содействии. Но, к нашему удивлению, местный воевода не только не оказал содействия духовным лицам против насилий бесчинников, но последние как будто были поощряемы воеводой в своих диких выходках. Вот что, например, говорится дальше в документе. «Костромской воевода Юрий Аксаков и всякие приказные люди тех мятежников от всякого дурна не унимали: всякое безчинство делали и игумену Герасиму и протопopу Даниле; по государевым указным грамотам на ослушников и безчинников игумену Герасиму и протопopу Даниле людей не давали, а которых людей игумен Герасим и протопop Данила своею мочью в безчинстве возьмут, и воевода и приказные люди тех людей во смиренье не принимают и с тех людей посулы имали и их отпускали; а которые люди были во смиренье у соборной церкви под палатую, и тех безчинников села Селища поп Иван и крестьяне, сбив замок, выпустили». Попустительство воеводы дает повод предполагать в данном народном движении большее, чем простой произвол обезумевшей от вина толпы; можно думать, что это было организованное движение против духовенства города Костромы на почве недовольства им как выразителем церковного

Село Селища на правом берегу Волги, ныне входящее в городскую черту Костромы. Фото 2006 года.

благочестия. По-видимому, сам воевода и приказные лица были заражены тем же недовольством, а потому так сочувственно отнеслись к народному движению. Какое же это такое недовольство и откуда оно взялось? Ответ на это можно дать такой. Костромской край, в частности окрестности города Костромы, принадлежит к таким местностям, где раньше, чем в других, появилось противоцерковное раскольническое движение против духовенства и против церковных обрядов. Говоря это, мы разумеем лжеучение некоего Капитона, начавшего свою проповедь о презрении к духовным чинам еще в царствование Михаила Феодоровича²⁷. Капитон был простым селянином из дворцового села Даниловского, откуда удалился в пустыню Колесникову, где и стал жить по образу пустынножителей. Вскоре молва об его подвигах собрала к нему поселян, избравших его в свои наставники. Вот пред толпой этих поселян он и начал проповедовать. Сначала его проповедь была направлена против духовных лиц, а потом приняла характер раскольнический, так как к тому времени (1654–1660) уже началось раскольническое движение²⁸. Капитон имел достойного преемника в лице некоего Подрешетникова, выходца из Кинешемского уезда. Он яснее раскрыл учение своего учителя Капитона, внушая своим последователям не ходить в церковь, отцов духовных не иметь, под их благословение не подходить; «хулений же его последователей, – говорит митрополит Тобольский Игнатий, – на святые таинства и передать невозможно»²⁹. Этот самый Подрешетников точно так же, как и его учитель, основал целое раскольническое общество в пределах кинешемских и решемских³⁰. Деятельность его, впрочем, надо отнести уже к концу XVII столетия.

Принимая во внимание только что сделанную историческую справку, мы не думаем впасть в большую ошибку, отнеся описанное в документе происшествие к противоцерковному движению с характером начинающегося раскола. Очень может быть, что это движение было подготовлено и даже прямо вызвано проповедью Капитона и его последователей. Селищенский священник Иван был, по-видимому, вожак движения. Это обстоятельство не должно нас особенно смущать, так как образовательный ценз и нравственный облик тогдашнего низшего духовенства были очень низки: невежество, грубость, пристрастие к спиртным напиткам были выдающимися недостатками тогдашнего духовенства.

²⁷ См. «Историю русского раскола» Макария, епископа Тамбовского. СПб., 1858 год, стр. 266.

²⁸ Подробные сведения о Капитоне и о Подрешетникове можно найти в послании Игнатия, митрополита Тобольского. Изд. «Православный собеседник», 1857 год, стр. 96–99, 111–112.

²⁹ См. упомянутое сочинение митрополита Игнатия Тобольского, стр. 111.

³⁰ См. упомянутое сочинение митрополита Игнатия Тобольского, стр. 112, а также упомянутое сочинение Макария, епископа Тамбовского, стр. 267.

Симона. В конце литургии при участии всего городского духовенства совершено «благодарственное ко Господу Богу молебствие о высочайшем Ея императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елизаветы Петровны всея России и наследника ея благоверного государя великого князя Петра Феодоровича и обрученныя невесты его благоверныя государыни великия княжны Екатерины Алексеевны многолетнем здравии». То же самое вскоре учинено было, по особым сообщениям из Костромского духовного правления, в уездных городах и селах, в монастырях Костромской и Галичской провинций³¹.

в) Пределы епархии

Пределы новой Костромской епархии совпадали с пределами прежних провинций Костромской и Галичской. В пределы же этих провинций, кроме главных городов Костромы и Галича, тогда входили уездные города: 1) Любим³², 2) Судиславль, 3) Буй, 4) Кадый, 5) Унжа, 6) Чухлома, 7) Соль-Галичская, 8) Судай, 9) Парфентьев и 10) Кологрив. К Костромской провинции, кроме того, принадлежали два пригорода: Плес и купеческий посад Большая Соль. В той и другой провинции было до 36 монастырей и пустынь и до 757 соборных и приходских церквей. В 1764 году, впрочем, многие небольшие и бедные монастыри были обращены в приходские церкви³³.

Преосвященный Симон управлял своей епархией не выезжая из Санкт-Петербурга, где оставался как член Святейшего Синода и как, по всей вероятности, любимец и советник двора. При нем на время была учреждена особая «Санкт-Петербургская Его преосвященства контора» (консистерия), заменившая для Костромы Московскую духовную дикастерию. В Костроме же и Галиче были подчиненные Санкт-Петербургской конторе духовные правления, которые из конторы получали указы и к ней относились как равные с равными, промемориями* подведомственным же им монастырям и пустыням, соборам и церквам, заказчикам** и поповским старостам давали предписания и указы³⁴.

г) Резиденция епископа

Костромскому преосвященному повелено было именоваться Костромским и Галичским, а для жительства и содержания его «с слу-

* Промемория — официальная бумага, памятная записка о чем-либо.

** Заказчик — глава духовного правления (впоследствии — благочинный).

³¹ «Содержание рукописей, хранящихся в Ипатьевском монастыре» г[-на] Миловидова, 1888 год. Указ об учреждении Костромской епархии, № 49, стр. 40.

³² С учреждением в 1778 году наместничества Любим с монастырями и церквами отчислен к Ярославской епархии. Зато в 1786 году приписаны к Костромской епархии из Суздальской епархии города: Кинешма, Юрьевец и Лух.

³³ «Костромские епархиальные ведомости», 1887 год, №№ 2, 3 и 4.

³⁴ «Содержание рукописей...» г[-на] Миловидова, стр. 41—44.

жительными» назначен Ипатьевский монастырь со всеми денежными и хлебными доходами, который поэтому и был назван кафедральным и в котором владыки пребывают до настоящего времени.

Так положено было в 1744–1745 годах начало существованию Костромской епархии, за 150 с лишком лет не подвергавшейся почти никаким существенным переменам.

5. Разрушающийся кремль

а) Обновление кремля

В 1661 году деревянные стены Костромского кремля, стоящие на насыпях, были *перестроены заново*. Перестройка по официальным бумагам была известна под именем «государева городского стенного дела». Руководителем в постройке был, по повелению царя Алексея Михайловича, князь Иван Петрович Вяземский. Строились стены на средства монастырей, помещиков и крестьян. Монастыри, помещики и крестьяне, по-видимому, сами и нанимали строителей. Сохранился (в копии) очень интересный с этой стороны договор подрядчика — плотника, крепостного крестьянина села Спасского Дениса Сергеева, заключенный 13 августа [7]169 (1661) года с Троицко-Сыпановым монастырем и помещиками: Иваном Филипповым, Гавриилом Супоневым и Тимофеем Елизаровым. Подрядчик Денис Сергеев был нанят от них «кремлю городу стены (строить), сколько сажений и почему на сажень четвертей, как укажет князь Иван Петрович Вяземский, и ров чистить, и чеснок побить, и нодолбу поставить, и в таросы земли насыпать и покрыть совсем на отделку». Вырядил за работу, за лес, и за тес, и за гвозди, и за все прочее, что потребуется, по 20 рублей с сажени. Монастырь деньги заплатил вперед, а помещики обязались уплатить по окончании работ в [7]170 (1662) году.

Можно предположить, что Денис Сергеев строил только часть кремлевских стен, доставшуюся на долю Сыпанова монастыря и трех помещиков, остальные же части строили другие подрядчики или тот же Сергеев, но по другому договору с другими лицами.

Нет сомнения и в том, что стены строились в 1661 году не в первый раз, а взамен старых обветшавших, потому что кремль был обнесен земляными валами и деревянными стенами с многочисленными башнями задолго раньше 1661 года. В этом виде он был занесен в писцовые книги [7]136–[7]138 (1628–1630) годов письма и меры Ивана Бутурлина с товарищами³⁵.

Но нет на свете ничего вечного. Давно, больше уже ста лет, как не стало и Костромского кремля. Остались от него лишь жал-

³⁵ Взято из сборника исторических документов протоиерея Диева, принадлежащего Костромской [губернской] ученой архивной комиссии, № 111, л. 305.

148

Вид на
кремль
с Волги. На
переднем плане
(от кремля
к беседке) — ма-
лый бульвар.
Открытка на-
чала XX века.

кие следы в виде двух земляных насыпей, примыкающих к соборной ограде с восточной стороны и западной, из коих первая служит малым бульваром, а последняя спуском к Волге. Успенский собор давно уже окружен не вооруженной крепостью из земляных валов с деревянной стеной, а каменной оградой. В ограде около собора теперь уже нет ни монастырей, ни посторонних казенных и обывательских дворов, ни посторонних жителей.

б) Постепенное разрушение и уничтожение кремля

Но когда же и как это случилось? Случилось это не вдруг, а постепенно, в течение XVII и XVIII столетий. Разрушению кремля особенно помогли неоднократные пожары. Но к концу XVIII века, по-видимому, граждане перестали уже и дорожить своим кремлем: селились уже предпочтительно за стенами кремля, в Новом городе. В пожар 1654 года сгорели в кремле теплая деревянная церковь, принадлежащая Троицкому каменному, уже развалившемуся собору, и съезжая изба.

Пожар же 1679 года истребил деревянные кельи беспомощных монахинь, живших при соборе милостыней. Но сведения об этих пожарах сохранились только в двух документах, далеко не заключающих в себе надлежащей полноты. Это грамоты святейших патриархов Никона 1657 года и Иоакима 1681 года. Грамоты были вызваны случайными просьбами о помощи потерпевших от пожаров

соборного причта и бесприютных монахинь и потому не имели побуждений касаться полноты пожаров, коснулись только того, чего лишились сами челобитчики. Между тем можно с уверенностью предположить, что в эти два пожара половина казенных и обывательских дворов, наполнявших старый кремль, стерты с лица земли. Остальную половину истребил пожар 18 мая 1773 года. По городским книгам 1792 [года] в кремле считалось уже четыре только обывательских дома, да и те по городскому плану 1781 года требовалось снести. Между тем до последнего пожара были еще в кремле: Крестовоздвиженский монастырь, обращенный после пожара 1679 года из мужского в женский; Троицкий собор, обращенный после пожара 1654 года в приходскую церковь, и разваливающийся воеводский двор, в котором императрица Екатерина II в 1767 году принимала представителей города; из казенных зданий: съезжая изба, губная изба, караульная изба, тюрьма, 4 житницы государевы, кузницы и осадный двор старицы Марфы Ивановны, пушкарское место, осадный колодец; до семи осадных дворов, принадлежащих разным монастырям и именитым боярам; до 191 обывательских дома, расположенных в трех кремлевских улицах, и так далее. Ничего этого после пожара 1773 года к концу XVIII столетия в кремле уже не было. Наконец исчез и самый кремль как ненужный. В 1814 году сняты с кремлевских стен последние пушки — дар царя Алексея Михайловича. В 1817 и 1818 годах срыты и крепостные валы, чтобы иметь место для городского сада, каковой и был разбит и существует до сих пор пред самым парадным выходом из соборной ограды.

6. Пожар 18 мая 1773 года

Историки собора протоиереи Иаков Арсеньев и Павел Островский в своих описаниях собора утверждают, что собор в 1773 году 18 мая сгорел со всем почти церковным имуществом³⁶. Но это сказание довольно преувеличено: сам по себе каменный собор остался цел, выгорели только внутренние его поделки и украшения. Сгорела очень большая часть церковного имущества, но и из имущества спасено несколько ценных вещей.

В соборном архиве имеются два больших тома в переплете, заключающие в себе очень для нас дорогие исторические данные, касающиеся пожара 1773 года и обновления погоревшего собора. Это: а) доклады преосвященному костремскому Симону строительной комиссии по обновлению погоревшего собора и по устройству Богоявленского собора с колокольной 1776–1787 годов, и б) записная

³⁶ Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. 1861 год. [Составитель] Крживоблоцкий, стр. 580.

тетрадь докладам и договорным письмам о построении теплого собора и архиерейского дома, и некоторые другие.

По этим двум источникам нетрудно набросать полную картину страшного пожара 1773 года, как и обновленного после пожара собора. Воспользуемся этими богатыми источниками.

Пожар 1773 года случился 18 мая. Он начался, по преданию, не в соборе и даже не в кремле, а где-то в городе за стенами кремля и был в буквальном смысле истребительным. За стенами кремля, в так называемом Новом городе, 18 мая 1773 года сгорело дотла девять приходских церквей, все гостиные торговые ряды без остатка, лавки с хлебом и множество дворов³⁷.

В кремле же сгорели: воеводский дом; множество казенных зданий, каковы: съезжая изба, тюрьма, губная изба, караульная изба, житницы государевы и так далее; множество осадных и жилых дворов, принадлежавших различным костромским помещикам, каковы: князя Волконский, Куракин, Козловский, Барятинский, Вяземский и другие. Сгорел, наконец, и Крестовоздвиженский женский монастырь с двумя деревянными церквями: Крестовоздвиженской и Введенской, и со множеством монашеских келий. Словом, пожар 18 мая очистил почти весь кремль. Остался во всем кремле только Успенский собор с колокольней, да и на них было жалко смотреть: они стояли одиноко, обгорелые, почерневшие; колокольня была уже без колоколов и готова была ежеминутно рухнуть. Горе духовенства и граждан было неописуемо.

В отношении к Успенскому собору несчастье 18 мая 1773 года простиралось до следующих пределов.

1) Внутри Успенского собора сгорели: деревянный пол, иконостас, престол, жертвенник; при четырех столбах: место архиерейское, место проповедническое, богатые киоты для образов, различные деревянные шкафы в стенах, в окнах оконницы в деревянных рамах. Пять железных связей от жара разорвались. Входные в церковь железные двери при тушении пожара изломаны. У восьми церковных окон затворов при осмотре после пожара совсем не оказалось, они или сломаны, или сгорели, если были деревянные. На церковных стенах и сводах с нижними палатками образовались седины (трещины, язвины). Штукатурная подмазка под стенным письмом по стенам и сводам в церкви и в алтаре от жара во многих местах обвалилась, живопись испортилась.

2) В приделе святого великомученика Феодора Стратилата сгорели деревянный пол, иконостас, престол, жертвенник и оконницы в деревянных рамах. Входные железные двери изломались.

3) В двух папертях, окружавших собор с восточной и южной сторон, и в придельной паперти сгорели деревянные полы, вход-

³⁷ Крживоблоцкий, стр. 580.

ные лестницы, деревянные двери, оконницы и деревянные крыши. Внутри паперти подмазка со стенным письмом сильно повреждена.

4) Колокольня каменная, имея деревянные полы, перила и колокольные балки, обгорела так, что большой 1004-пудовый колокол упал с верхнего яруса до низу, проломив своды, и разбился; кроме того, растопились колокола — один в 3 пуда, один в 2 пуда, два зазвонных в 1 пуд и в 30 фунтов. Купол с главой на колокольне сломались. Железные колокольные часы перегорели и сломались. Железные связи все без остатка разорвались, отчего и сделались в стенах немалые седины (трещины). По всему этому колокольня стала непрочной и опасной.

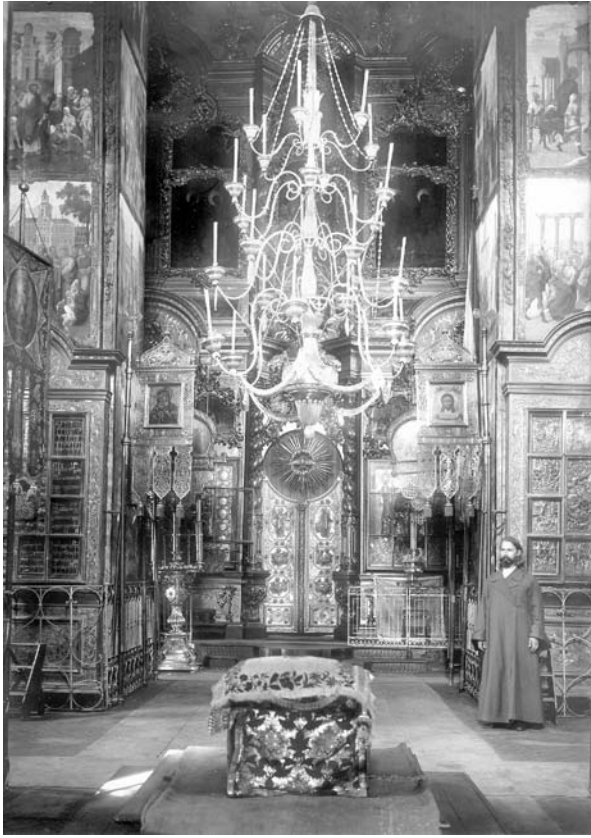
В Успенском соборе, кроме полов, иконостаса и прочей деревянной постройки, сгорело церковного имущества: два антиминса, бывших на престоле; три престольных облачения; семь евангелий; серебряный ковчег в 16 фунтов 30 золотников; лампы серебряные; завесы царских врат; три креста воздвизальных, дорогие; на престольных покровов 4; подсвечников 6; на горнем месте образ Пресвятыя Богородицы Феодоровский (в копии) в ризе серебряной с украшениями.

Вообще в алтарях соборном и придельном, в храмах, в ризничных шкафах и на паперти погорело образов, лампад, крестов, евангелий, облачений архиерейских, священнических и престольных, книг рукописных и печатных, жалованных грамот и других документов всего 459 номеров на сумму 28 544 рубля 73 ½ копейки (Ведомость погоревшим вещам в переплетенной связке дел 1776 года).

Между сгоревшими встречаются вещи очень ценные с материальной, исторической и археологической сторон. Таковы: № 6 (по ведомости сгоревшим вещам) — евангелие в 55 рублей; № 12 — ковчег в 371 рубль 50 копеек, № 15 — крест воздвизальный с мощами в 350 рублей, № 16 — крест золотой с мощами в 500 рублей, № 24 — образ Феодоровский (в копии) Божией Матери в 400 рублей, № 36 — кадило серебряное золоченое в 200 рублей, № 52 — царские двери резные в 50 рублей, и так далее.

7. Что осталось от пожара

Но не до конца прогневался Господь на костромичей; древний собор 18 мая 1773 года хотя и обгорел, лишившись всего, что было с внешней и внутренней стороны деревянное, лишился многих драгоценностей из церковных украшений, утвари и священных облачений; но основа его, каменные стены со сводами, покрытые железом и черепицей, с крестами, остались в целости, хотя несколько и поврежденные. Не все и украшения церковные — иконы, утварь и облачения — погибли. Словом, собор обгорел не настолько, чтобы

Внутренний
вид Успенского
кафедрального
собора.
Фото начала
XX века.

* Имеется в виду протоиерей И. И. Красовский.

сителя, сидящего на престоле, украшенный серебропозлащенной ризой, драгоценными камнями и жемчугом; 2) образ Успения Божией Матери, покрытый серебропозлащенной ризой, драгоценными камнями и жемчугом; по левую сторону царских врат: 3) чудотворный Феодоровский образ Божией Матери, обложенный серебром чеканным и украшенный многочисленными драгоценными камнями и жемчугом; при образе: а) особая дорогая жемчужная риза, украшенная камнями — дар царя Михаила Феодоровича с матерью Марфой Ивановной, б) две рясы жемчужные, тоже дар царя Михаила Феодоровича и его матери, в) поверх чудотворного образа возглавие, низанное по вырезу на золоченой доске крупным и мелким жемчугом и разных цветов камнями; г) пред образом лампада серебряная золоченая с цепями серебряными; 4) образ Благовещения Пресвятыя Богородицы, обложенный серебром чеканным, вызолоченным, с камнями и жемчугом в венцах; 5) по правую сторону переднего столпа образ Святой Троицы, обложенный серебром басменным; 6) по левую сторону другого переднего столпа Феодоровский образ Пресвятыя Богородицы (копия) с чудесами по краям,

не было уже возможности восстановить его, и он восстановлен в конце XVIII века.

Вот краткий список того, что удалось спасти при пожаре 18 мая 1773 года из церковного имущества — список, составленный по ведомости, представленной настоятелем собора протоиереем Иоанном Иоанновым* с братией преосвященному костремскому Симону при рапорте от 7 июня 1773 года и проверенной в 1776 году по наличности особой комиссией.

Удалось выхватить из пламени три напрестольных печатных евангелия, украшенных серебропозлащенными досками, одно даже — драгоценными камнями. Из местных дорогих образов, стоявших в нижнем ярусе пятиярусного иконостаса, спасены: по правую сторону царских врат: 1) образ Спа-

украшенный местами серебром золоченым, жемчугом с камнями, в ризе медной, чеканной, золоченой; 7) образ штилистовый Феодоровския Богородицы, обложенный серебром чеканным, золоченым, с украшениями в венцах из камней и жемчуга, дар царя Михаила Феодоровича.

В приделе Феодора Стратилата: по правую сторону царских врат в иконостасе: 1) образ Спасителя, сидящего на престоле, в ризе серебряной, вызолоченной, чеканной работы; по левую сторону царских врат: 2) образ Пресвятыя Богородицы Толгския, обложенный басменным серебром, золоченый, украшенный многими драгоценными камнями и жемчугом³⁸.

Из облачений сохранились: архиерейский парчовый дорогой саккос 1, священнических риз 11, епитрахилей 8, стихарей 12, подризников 1, набедренников 1, поясов 4; книг церковных 12; колоколов, упавших с колокольни, но не разбившихся: 1) литейный в 200 пудов, 2) всеневный в 100 пудов; прочие: 3) в 40 пудов, употребленный в дело при отлитии нового большого колокола, 4) в 38 пудов 27 фунтов, 5) в 26 пудов, 6) в 25 пудов и четыре звонных — всего 10 колоколов.

Вот все, что удалось спасти при страшном пожаре 18 мая 1773 года.

Конечно, этих священных принадлежностей было далеко не достаточно для восстановления соборного богослужения в установленном издавна порядке. Но и самый собор с приделом Феодора Стратилата без капитального возобновления не были пригодны к богослужению. Поэтому несколько лет собор оставался без богослужения.

Возобновление требовало немало времени и очень больших средств, каковых у собора почти совсем не было. Поэтому надо удивляться тому, что к концу XVIII века, в каких-нибудь 10–15 лет, собор вышел из ниспосланного на него испытания в несравненно лучшем виде, чем был до 1773 года.

[Сырцов Иоанн, протоиерей.] Костромской Успенский кафедральный собор // Костромские епархиальные ведомости, 1908, отдел неофициальный, № 19, с. 501–520; № 21, с. 552–561; № 22, с. 581–592; № 23, с. 606–614.

³⁸ Все эти образа в Успенском соборе и в приделе Феодора Стратилата сохранились до настоящего времени и стоят на старых местах в иконостасах, исключая икону Толгскую, которая помещается в соборе на переднем левом столпе, с западной стороны.